

НЕВОСТРЕБОВАННАЯ ЛИЧНОСТЬ

Имя

Пол

Отчество

Пол

Место

рождения

ЖЕН

Дата
рождения

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Дементьева

Татьяна Дементьева

Невостребованная личность

<https://litres.ru/70928107>

SelfPub; 2026

Аннотация

В тихом лесу туристического региона местная жительница Марина Николаевна находит полуживую, окровавленную девушку без памяти. Старуха выхаживает незнакомку, но содержать и лечить её возможности нет. Благодаря помощи знакомого фермера, девушка, нареченная Алёной, получает работу с проживанием. В попытке заработать на лечение и вспомнить своё прошлое, она оказывается втянутой в пугающий круговорот, где жестокость, ложь и смерть причудливо соседствуют с курортным весельем и безмятежностью. Кто она на самом деле? Сбежала ли от опасности или наоборот — сама представляет угрозу? И главное: можно ли спрятаться в месте, где каждый чужак — как красный флаг?

Содержание

Глава 1. Алёна	4
Глава 2. Фёдор Иванович и его семейство	27
Глава 3. Лентяи нам не нужны	38
Глава 4. И что дальше?	51
Глава 5. Первый выходной	56
Глава 6. Не в деньгах счастье	75
Глава 7. Невостребованная личность	88
Г	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Татьяна Дементьева

Невостребованная личность

Глава 1. Алёна

Эта история случилась со мной два года назад. К настоящему моменту я уже полностью восстановилась и могу спокойно, без эмоций и истерик, поведать её вам. Место происшествия останется тайной, потому что по сей день там творятся откровенное беззаконие и самоуправство. И да, все совпадения случайны.

Одним тёплым летним днём, прогуливаясь по лесу в погоне за грибами и ягодами, на меня наткнулась местная бабка. Я лежала в кустах рядом с ёлкой в окровавленной одежде, едва дыша. Бабка сослепу подумала, что набрела на грудку мусора, которую в очередной раз оставили после себя полупьяные туристы. Но нет, этим мусором оказалась я.

Как у этой хрупкой полутораметровой старушки хватило сил дотащить обмякшее тело через дикий лес до дома, по-прежнему остаётся для меня загадкой. Видимо, даже дряхлый организм способен выдавать невероятную мощь под действием адреналина, а её организм был вдобавок закалён

тяжёлой деревенской жизнью.

Зовут бабульку Марина Николаевна, но обращаться к ней так не стала, ласково звала бабушкой. Хотя, честно говоря, старуху с более мерзким характером редко встретишь. Мне казалось, что она спасла меня и тотчас пожалела. Упрёки вроде «много ем», «много сплю», «ничего не делаю» и вообще «зачем я лежала под тем кустом» стали ежедневными. Смотрела на меня с нескрываемым возмущением: я как была при первой встрече грудой мусора, так, видимо, в её глазах и осталась. Не подумайте, я благодарна! Но у меня было много вопросов к ней.

Для начала: почему она не позвала кого-то на помощь? Полицию, врачей! Почему она спрятала меня? Да... Это, пожалуй, самый главный вопрос. Вернёмся к нему чуточку позже.

Итак, бабулька нарекла меня Алёной в честь своей правнучки, которую «заботливые родственнички» к ней так ни разу и не привезли, а ведь она... ждала. Очень ждала!

Я не знала ничего: кто я? Что со мной случилось? Где мой дом?

Первое, что могу вспомнить, — это сильная боль. Казалось, каждая часть тела старалась в это мгновение напомнить о себе причиняя нестерпимые мучения. Пробита голова, вывихнута рука (или что с ней было, непонятно), тяжело дышать, возможно, сломано ребро, нога не гнётся. Бабка варила отвары, жгла пучки травы, читала молитвы у моей постеле-

ли, растирала мои сине-зелёные от ушибов конечности. Эти воспоминания вспышками всплывают из подсознания. Как она меня вернула? Как ей это удалось? По всей видимости, я не все мирские дела доделала, иначе объяснить чудо выживания невозможно.

— Вызовите скорую! — это было первое, что я смогла сказать, разлепив глаза после долгой «спячки».

— Вот ещё, — буркнула под нос бабка и торопливо пошла ко мне, сопровождая каждый шаг скрипом половиц. — На, пей, нужно больше жидкости! — не церемонясь, она подхватила мою голову с подушки, а второй рукой поднесла к губам стакан. Колодезная вода холодом пробежала по горлу. Глоток за глотком — ко мне словно возвращалась жизнь.

— Вы кто? — спросила я, вглядываясь в незнакомые черты старухи. — Я где? — страх, паника, дезориентация! Все эти чувства нахлынули разом. Голова закружилась, в глазах потемнело. Всё, что я успела сделать, это свеситься с лежанки и блевануть желчью с водой прямо на пол, едва не испачкав тапки спасительницы.

— Ты смотри, что делает! — возмутилась она, ловко отпрыгнув от эпицентра событий. — Вот же корыто! Поставила специально! — ворчала она, пнув ногой таз у изножья кровати. Можно подумать, у меня было, блин, время осмотреться!

— Извините, — промямлила я, утирая рот рукавом непонятной рубахи, которую откуда-то из закровов вытащила

старушка.

Мне стало легче. Дыхание становилось ровнее, зрение восстанавливалось. Бабка, оценив моё состояние, решила, что опасность миновала, и суетливо побежала во двор за тряпкой. Мне же оставалось только водить глазами, изучая пространство.

Моя лежанка представляла собой старую ржавую раскладушку, неудобную до безумия и невероятно скрипучую. Даже через матрас её пружины умудрялись впиваться в мою настрадавшуюся плоть! Напротив меня, рядом с раскалённой печкой, стояли одноместная бабкина кровать, дубовый самодельный стол, за которым спокойно можно было усесться многодетной семье, и пара стульев да табуреток. Украшали сие скромное жилище пожелтевшие, слегка скрутившиеся фотографии, с которых поглядывали чёрно-белые лица давно покойных родственников, а в самом углу комнаты целый иконостас и полусгоревшие церковные свечи. Я вообще не набожный человек, сказать, кто был на иконах, не могу, но знаю точно: они тоже помогли мне выжить.

Продолжим. Из маленького оконца, обрамлённого старенькими занавесками в мелкий цветочек, виден огород и невероятной красоты лесной пейзаж. Контраст голубого неба и тёмно-зелёных вековых сосен и елей навсегда отпечатался в моей памяти... памяти, которую я потеряла! Больше ни к чему здесь слово «красивое» применить нельзя.

Двор у дома был, увы, не в лучшем состоянии. Нет, к

бабушке вопросов нет! Она мела его, полола сорняки, ухаживала за растениями и деревьями, пахала в полную силу. Но всё в нём говорило о разрухе, о прожитом времени. Покосившийся, сотни раз выцветший забор. От краски ничего не осталось, только чёрное дерево, съеденное природой. Колодец с такой же почерневшей крышей и раскрошившимся кирпичом у основания. В общем, никаких изысков и удобств: нет ни телевизора, ни телефона, только стопка зачитанных книг. И именно это место стало мне домом на несколько недель.

Бабка совсем немногословна, если, конечно, не считать ворчания под нос, старческих кряхтений и выдачи указов: «подмети», «прибери», «помой», за общение. А после выполнения поставленных задач непременно следовала оценка проделанной работы. Сами понимаете, похвалы не приходилось слышать. Отвечать на колкости не хотелось. Ворчит и пусть ворчит! В конце концов, это её дом! К тому же мне казалось, что история вот-вот закончится. Мозг восстановится так же быстро, как сходят синяки. Память вернётся, и я умчу домой, и поминай как звали! Но нет, организм приходил в себя не так бодро, как мне того хотелось.

В медленном восстановлении я молчаливо винила некомфортные условия проживания. Как здесь можно быстро поправиться? Как здесь вообще можно нормально жить? О каком здоровье может идти речь, если даже спать здесь — пытка!

Знаю... знаю! Звучит, мягко скажем, неблагодарно. Высокомерно! Знаю! Признаю! Но в тот момент я действительно думала: телу нужен отдых, а не вот это всё.

Да нет... Ну как можно так жить?

Вместо душа — два ведра воды, тазик и черпак. Вода не льётся из-под крана, потому что его здесь просто нет как такового. Так что бери-ка ведёрки и «дуй» к колодцу, позади огорода. Холодно, темно, комары! Бр-р... А под ногами на траве — роса.

И туалет, к слову, неподалёку от колодца. Приспичило — вперёд! Без вариантов! Деревянная будка размером от силы метр на метр с дыркой в полу посреди огорода ждёт тебя, о страждущий заседатель! При обеих рабочих ногах упасть в эту зловонную прорубь не составит труда. У меня же не работала вся правая сторона тела. Было неловко просить бабку помочь в таких делах, но «занырнуть» туда хотелось куда меньше.

Стирка — руками. Готовка — на печке, и неважно, что за окном жаркое лето. Бабка накаляла печь так, что, казалось, я в самом жарком котле ада. А она... не торопилась! К чему спешка? Словно специально еле-еле перебирала руками, что-то там копошилась у кастрюли. Кулинарила, в общем, как ни в чём не бывало! А с меня же пот лил в три ручья, в глазах от духоты темнело, а ей... хоть бы что. Более того, готовить мне она не давала, потому что продуктов мало, а если я испорчу — придётся голодать.

Нет. Жить так — это крайне дискомфортно!

— Алёна, хватит лежать! Надо двигаться, разминаться, — изо дня в день говорила она, стоило только присесть на раскладушку.

Двигаться! Да, двигаться она меня заставляла. Заданий становилось больше с каждым днём. Я старалась помогать по дому, в огороде. Что-то получалось, что-то — не очень. Бабка же считала, что не получается ровным счётом ничего.

Ну а как? Как можно рубить дрова одной рукой? Как можно вымыть пол без швабры, если нога не гнётся? Ползать? Не могу сходить в лес за грибами-ягодами: «Заплутаешь — потом тебя ищи».

Раздражение старушки чувствовалось кожей. Она ворчит и ворчит, и ворчит, и ещё раз ворчит! Всё не так, и всё не то! Мне кажется, она попросту привыкла быть одна. Привыкла к быту, привыкла, что всё идёт своим чередом, что всё вокруг ясно и понятно — и по её! Привыкла и к тому, что больше ничего не потревожит, не обидит и не огорчит.

Она доживает. И как бы пугающе-печально это ни звучало для обычного человека, она не боялась смерти. Сама не раз говорила, что после ухода деда всё, чего она хочет, — это скорейшей с ним встречи.

А тут я нарисовалась под кустом. Как говорится, «добрый день».

— Бестолковая ты, Алёна. Таких замуж не берут, помани моё слово! — повторяла она из раза в раз, приводя себя в

пример как лучшую из лучших хозяйюшек.

— Значит, буду одинокой! — оборонялась я, при этом с удовольствием слушая рассказы о её жизни. Свою-то я не помню.

Муж бабульки был военным. С её слов, он прошёл путь от обычного салаги до генерала. Много где побывал, много что повидал, а она всё это время ждала его дома. Так и нажили двоих деток.

Дочка подросла и упорхнула из «скучной деревни» в город. А сын помер раньше деда: строгое воспитание, критика за «неоправданные надежды» отца вкупе с самопальным алкоголем — пихнули парня в петлю. Такой слабый дух стал позором для отца-военного. Настолько позором, что он даже не пошёл провожать сына в последний путь.

Вот такая история.

А бабка всю жизнь в режиме ожидания. Родилась и ждала сперва суженого-ряженого, потом свадьбу ждала, ждала мужа с войны, потом ждала дочь, потом сына, теперь ждёт, когда помрёт и встретится со всеми ними, кого любила и ждала... Сына, как самоубийцу, встретить после смерти не считает.

Так вот, перейдём ко мне.

На вид мне около двадцати пяти лет, тёмные волосы до плеч, зелёные глаза. Лицо по-прежнему в ссадинах и порезах, под глазами уже пожелтевшие синяки. Ничего особо примечательного, да и в это зеркало разве что увидишь?

Оно, как и бабка, было практически съедено временем. По-чернело, с углов вообще куда-то пропало... Бр-р. В общем, отражение слабо давало представление о том, кто напротив.

Так мы и прожили с бабушкой несколько недель, в которые я, не переставая, донимала её вопросами из серии: «Зачем подобрала?». Я верила, что меня ищут! ВЕРИЛА! «Почему не зовёшь на помощь?», «А если помру, как объяснишь?». Я засыпала её вопросами, приводила аргументы и пыталась понять. А бабулька отвечала редко. Чаще игнорировала, делала вид, что вообще не слышит. А если и решалась отвечать, то каждое слово выверяла, чтобы не ляпнуть лишнего. Ещё так боязливо осматривалась по сторонам, будто кто-то под окнами сидит, слушает. Её странное поведение меня раздражало. Я не понимала: старость это или жизнь с военным её так загнала... Или как это объяснить... Лишь время расставило всё на свои места.

Ну а на тот момент, если собрать воедино выуженные из бабушкиных ответов крупички, получалось так. Бросить человека в лесу она не могла — дед не понял бы. Он-то «своих» ребят не бросал. А если б померла, то закопала бы на огороде. Никто не видел меня, да и деревня практически вымерла — никому нет дела до домика Марины Николаевны. Звать кого-то на помощь — опасно. Кто я такая? Недобитая жертва человеческой жестокости? Свидетель или, упаси бог, участник бандитских разборок? Или что-то не поделила с местными? Кто?

Слишком много вопросов, и ответ на любой из них ставил под угрозу наши жизни.

— Придут, заколотят дверь и сожгут, — бубнила бабуля. — В колодец «бросють»! Тюк по голове топором и в «мусорник»!

Как видите, вариантов нашей скоропостижной гибели у неё было много. Вскоре и мне передалась эта паранойя. Если подумать: что я делала в лесу? Меня кто-то не добил? И что сделает этот кто-то, когда узнает о своей оплошности? Вернётся? Непременно. Вернётся — и за мной, и за ней. Даже если это и не так... Возможно, всё совсем иначе. Возможно, я что-то натворила, попыталась спрятаться, убежать? Ведь многие жители мегаполисов ищут спасения от своих грехов в глуши, хотя на самом деле новые лица в таких местах, как наша деревенька, — это как красный стяг среди белых флагов. Возможно, я ринулась сюда в надежде избежать наказания, а меня и нашли... Всё возможно, чёрт возьми!

Мне было велено никому не попадаться на глаза. Так: одному «трепанёшь» — и все вокруг «знають». А кому тут трепать? Дом, в котором находится моё убежище, расположен в старой большой деревне. В давние времена здесь кипела жизнь, а сейчас на пять улиц жилых домов осталось от силы штук семь. Новых поселенцев здесь отроду не видали. Старики остаются доживать, молодёжь уезжает, а те, кто всё же решил связать свою жизнь с отчим домом, рано или поздно спиваются или сводят счёты с жизнью, не найдя се-

бя. Многие родители схоронили детей так же, как и бабка. Бесхозные дома ветшают, и их не то что продать — даром никому не отдашь! Дорожки, по которым хоть изредка раньше проезжали машины, заросли травой и колючими кустарниками. Атмосфера давила! Всё здесь говорило об увядании и смерти. Так вот, про трёп.

Если во дворе замаячит машина, велосипед или шумная компания, я непременно должна была прятаться. Для этого очень кстати подошла ниша за печкой, которую любезно и специально для меня бабуля освободила от хлама. Спрашиваете, откуда взяться шумной компании в этом захолустье, а я вам отвечу! Волонтёры. Именно они повадились нарушать покой этих мест: привозят с собой немного еды, лекарств для стариков. Порой что-то помогают по дому, и всё бы ничего, да вот только делают они всё это под неотрывным прицелом камер. Добро теперь вершится только напоказ. Но бабке-то всё равно: добро оно и есть добро, а под каким соусом преподносится, не имеет значения. Да и про существование социальных сетей, различных платформ для публикации благодетели она не знает. Хотят помогать? Вперёд! Вон вилы — вон навоз! Помогайте! Но в дом... не-е-ет! Несмотря на почтенный возраст, Марина Николаевна далеко не дура, и абы кого, тем более «из этих», в дом без боя не пустит! Тем более что в местной газете поведали о шайке, которая навевывалась в соседние деревни под видом добрячков-волонтёров. «Добряки» «гоняли» чай с добродушными стариками, а поз-

же, когда действует клофелин, выносили из скромных домов антиквариат, иконы, деньги. Выживет хозяин или нет... здесь уж как повезёт. Банду эту так и не нашли, есть вероятность, что и не искали вовсе... Об этом позже.

Так что моя бабуля была начеку! Единственный, кто сумел заработать её доверие, — проходящий почтальон. Его она ждала как глоток свежего воздуха, ведь он не только приносил почту, но и делился сплетнями! Второе делал с большим рвением, нежели первое. Поэтому попадаться ему на глаза означало стать сенсацией, а значит, строжайше запрещено.

Время шло. Ничего не происходило. Память не возвращалась.

Я просила бабушку узнать у проходящих, может быть, идут поиски пропавшей девушки? Или были какие-то истории с бандитскими разборками? Быть может, туристы заплутали в лесу, и кто-то из группы пропал? Просила позаимствовать у волонтёров телефон для выхода в интернет, но мои просьбы игнорировались:

— Ты вот окрепни и иди, иди куда хочешь! Проси и... узнавай что вздумается! — отмахивалась она.

— Да куда мне идти? Я ни черта не помню?! У меня нет ни документов, ни денег! Куда идти?! — возмущалась я. Нервы сдавали, неведение и беспомощность раздражали меня. Память не возвращается, бывают какие-то вспышки, но я не могу за них зацепиться, как за забытое слово. Оно крутится

на языке, но никак не удаётся вставить буквы на свои места.

Немного окрепнув, я начала упрашивать бабушку отвести меня на то самое место в лесу, где она меня нашла. Я теплила надежду найти хоть что-то! Телефон, документы, сумку, права — ну хоть что-нибудь. Любая мелочь или зацепка могла всколыхнуть память! Те вещи, что были на мне: цепочка с крестиком, небольшие декоративные серёжки, колечко с камнем и кроссовки, — увы, не справились с этой задачей.

Ох, знали бы вы, что со мной творилось, когда бабуля чистосердечно призналась в том, что сожгла мои шмотки! Я была вне себя... Нет! Я была в ярости от этой информации.

— В карманах ничего путного не было! — уверяла она. — А эти тряпки только для печки и сгодятся! Даже пол не помыть!

Но что для бабки — «ничего путного», мусор или фантик, для меня — ниточка! Зацепка! Никто не вправе уничтожать чужую собственность! Хоть бабушка и чувствовала свою вину за этот инцидент, а я, в свою очередь, не забывала ей об этом напоминать, чтобы добиться своего, — но всё равно на уговоры она не поддавалась.

— Ты головой-то думай, Алён! Это же лес! Не найти мне место, — отмахивалась она. — Делом займись!

Старушка врала и врала неумело. Она знала все окрестности, закоулки, кусты и камушки как свои пять пальцев. Прожив здесь больше восьмидесяти пяти лет, даже при условии, что один глаз наполовину слепой, а второй подёрнут бель-

мом, бабуля в потёмках спокойно шуршит из чащи леса напрямки к дому. Она, как летучая мышь, сканирует пространство и безошибочно выбирает направление! Поэтому не надо мне рассказывать про «не найти»! Боялась она туда идти! Бо-я-лась!

— Бабуль, ну прошу тебя! Умоляю! Пойдём! Одним глазком! Я поищу и успокоюсь! — не унималась я.

Тем временем лето подходило к концу. А это означало, что огород перестанет нас кормить. Запасы на зиму, само собой, сделаны, но лишь на одного! И это точно не я! Бабушка не стала ходить вокруг да около: как только моя рука разрабаталась, нога начала мало-помалу разгибаться, а синяки с лица сошли, завязались разговоры о том, что мне пора бы уходить. А вот куда идти — непонятно ни ей, ни мне.

И вот наконец настал тот день, когда бабушка поддалась на уговоры. Встав с первыми лучами солнца, мы выдвинулись в лес. Ни разу не сбившись с курса... (ну кто бы сомневался!) — мы дошли до места нашей первой встречи. Ничем не примечательный кусок леса у трассы с пышным кустом жимолости, ёлкой и ковром из мха. Огромный куст, диаметром не меньше метра, мог отлично скрывать моё тело от посторонних глаз долгое время. «Прекрасное» местечко для последнего пристанища! С дороги меня бы точно никто не заметил, а лесная тропа пролегла сильно далеко отсюда!

Обшарив всё вокруг, мне удалось найти лишь дорожный мусор и старую изодранную покрывку. Ничего путного: ни-

каких вещей, бумажек, ну хоть чего-то, что навело бы меня на след! К тому же в лесу сложно что-либо искать, тем более летом. Земля устлана мхом, опавшими ветками, шишками. Под ногами — коряги, жаждущие повалить меня на землю! Огромные пауки, растянувшие паутину между ветвей и только и ждущие, пока я угожу туда прямиком головой. А комары? Стоит ли рассказывать... В общем, даже если что-то и было, оно останется теперь там навечно. Да и бабка стояла на месте, не переставая бубнить. Она устала, хотела домой. Грядущая перемена погоды именно сегодня решила «выкручивать» ей колени и тянуть поясницу...

Я злилась на неё. Точнее, я злилась на всё и на неё в том числе! «Ну ты же видишь, что я никак не могу найти! Ты же опытный следопыт, мастер тихой охоты... Ну, помоги мне поискать!» — думала я. Но... нет! Она топчется на одном месте, причитает, действует на нервы, пыхтит, сопит, ещё и подгоняет!

Я продолжала шарить по земле, увеличивая радиус поисков, и медленно приближалась к трассе. К той самой, что местные нарекли «туристическим маршрутом», потому что она вела напрямую от турбазы до гор и конюшни. Туризм... Именно благодаря ему всё ещё существует этот регион, но об этом потом.

Я всё ещё продолжаю поиски, отмахиваясь от кровососущих. Растрёпанные волосы выбиваются из хвоста и лезут в глаза, коряги цепляются за ноги. Нервы на пределе! Но вновь

ничего! Я начала приближаться к обочине, как вдруг через придорожные заросли замечаю мужика. Ничего в нём нет примечательного: средний рост, плотное телосложение, брюнет. Но что-то в его поведении напрягало. Он важно расхаживал по дороге, озирался по сторонам, вглядывался в глубь леса. Кого-то ждёт? Или, быть может, ищет?

— Алёна! Чего ты там? — не вытерпел мой поводырь. Она стояла всё на том же месте, но теперь зачем-то пригнулась, будто так она сможет разглядеть, куда я уставилась.

Её встревоженный шёпот тут же вызвал во мне чувство какой-то неоправданной тревоги. Мне хотелось убежать, и в то же время я не могла пошевелиться. Живот скрутило, а сердце выпрыгивало из груди. При этом я всё ещё стою и продолжаю наблюдать за мужиком.

Бабуля по прозвищу «своих не бросаем» прытко пробралась ко мне, без проблем преодолевая преграды в виде кустов и веток.

— Чего уставилась? — прохрипела она, наводя зрячий глаз на дорогу.

— Вон! — кивком указала я.

— Алёна! — взмолилась она, намертво вцепившись в мою руку. — Он нас заметит!

— И что?! Обычный мужик! Мне интересно, чего он высматривает?

— Нашу погибель высматривает! — словно змея, шипела она мне в ухо, не разжимая хватки. — Хорошие люди по

одному не ходят! Вот так вот у дороги не стоят! Пошли, говорю!

Между тем мужчина достал и прикурил сигарету и, как ни в чём не бывало, уставился в телефон, изредка поднимая взгляд на проезжающие мимо машины.

— Может, он из поисковиков? — предположила я и в то же время не решалась покинуть укрытие. — Или просто стоит.

— Пошли домой, я тебе сказала! — сквозь зубы процедила бабуля. Её терпение, похоже, тоже было на пределе. Она ещё сильнее сдвинула мне руку и практически уволокла за собой подальше от дороги, создавая при этом невероятный шум! Когда мы отошли настолько, что звук проезжающих машин стих, только тогда она разжала цепкие пальцы и замедлила шаг.

Бабушка не на шутку запыхалась и побледнела. Летняя духота, несмотря на преддверие сентября, не торопилась покидать регион и даже в лесу не давала продыху.

— Зачем? — спросила я, стараясь отдышаться. — Он просто с-стоял! Он мог знать! Он мог искать!

Бабуля еле моргала. Она прислонилась к дереву и беспрерывно утирала лицо носовым платком. Губы посинели, а дыхание выдавало непонятный свист.

— Вы как? Чего-то побледнели, — запереживала я. — Такие забеги не для вашего года выпуска.

— Помолчи, глупая! — на выдохе вымолвила она. — Этот

лес уже погубил нескольких дурех, таких же дурех, как и ты! Стоит, рот разявила! Тебе какое дело, чего он там стоит? Я тебе велела никому не попадаться...

— Ой... да все! У вас, бабушка, каждый маньяк, убийца и вообще фашист! Он мог знать меня! Он мог найти мои вещи! Он мог помочь мне! А вы вот этим вот своим... Все вокруг бандиты... Заморочили мне голову! — сорвалась я на притихшую бабуську. Стыдно ли мне за это? Теперь да. Но тогда меня разрывало изнутри. А гнев требовал выхода, и, увы, мишенью стала моя спасительница.

— Знаешь, что! — выждав время, ответила старушка. — Иди обратно! — Она решительно отстранилась от дерева и пошла по направлению к дому, а мне махала рукой, прогоняя в противоположную сторону. — Иди! Иди-иди! Чего же ты? — спрашивала она, заметив моё замешательство. — Что? Страшно?

Страшно? Да, мне было страшно, а бабка медленно удалялась в сторону дома, прижав руку к, как всегда, ноющему от ходьбы бедру.

— Вот чёрт! — стиснув зубы, я от обиды топнула ногой, и ничего мне больше не оставалось, как поплестись за ней следом.

Мы шли-шли-шли. Бабушка что-то там бухтела себе под нос, а я злилась. Обе молчали!

— Не вини меня, — нарушила наконец бойкот бабуля. — Ты сама боялась подходить! Сама понимаешь, что неспроста

он там! Ох, неспроста! И сердце наше беду учуяло, и ноги наши уйти помогли, — причитала бабка. — И кричать на меня не смей! Я в беде твоей не виновата! И никто не виноват! Во всех своих бедах каждый виноват сам! Ты уважать и слушать меня должна! Ноги целовать! Очень неблагодарная ты, Алёна.

И больше в тот день бабуля не проронила ни слова.

Я плелась за ней с полным чувством разочарования. Поиски должны были принести результат, других вариантов не могло быть, но судьба распорядилась иначе. В лесу ничего нет. Я пролежала полночи без сна, глядя, как свет луны рисует на стене причудливые картинки. В голове рождались безумные теории, и центром их был тот самый парень у дороги! Чей телефон он крутил в руках? Что, если мой?! Что, если он ждал полицию, потому что набрёл на что-то в лесу? А что, если бабка права и он действительно понял, что тела в лесу нет, и ждал подельников? Что, если... И так полночи! Мне пора действовать! Пора уходить! Оставаясь здесь, я только оттягиваю дату чудесного спасения! Но уходить куда? Мне нужны деньги, где их взять? Мне нужен врач, но я без документов! Что делать? И с этими мыслями мной завладела лёгкая дремота.

Проспать долго не удалось. Бабушка разбудила, больно и настырно ткнув пальцем в плечо.

— Ты уходишь! Собирайся! — вместо «доброго утра» сказала она, словно прочитав ночные стенания. — На фер-

му пойдёшь. Работать будешь! Рот свой меньше открывай, и, может, не выгонят тебя. Скажешь — правнучка моя. Поняла?

— Поняла, — как-то грубо ответила я.

— Ешь и уходи!

На столе уже стояла тарелка с тремя варёными картошками, коронованными полурасплавившимися кусочками масла, и пара малосольных огурчиков.

Я подчинилась. Сижую, жую, а на душе скребут кошки.

— Спасибо вам большое за всё, — наконец сказала я, старательно пряча наворачнувшиеся слёзы. — Была бы я на вашем месте, то испугалась бы помогать. Тащить не пойми кого к себе в дом...

Большинство людей при виде чужой беды проходят мимо либо стоят в стороне и снимают на телефон. Я их не виню... Сама такая же, как бы ни стыдно было это признавать! Но бабушка иная. Она, как говорится, «старой закалки»! Она из тех, кто способен помочь, даже с риском для себя, готова. Готова... несмотря на внутренний страх.

— Жуй давай! — сдавленным голосом ответила она и, так же как я, старательно пряча намокшие глаза, добавила: — Я Фёдору письмо напишу, объясню всё! Так что рот на замок! Меньше говори, больше слушай!

Бабушка много кого знала в окрестностях. Но все они, по большому счёту, люди бесполезные, по крайней мере для меня. Поэтому лучшим кандидатом стал местный фермер по

имени Фёдор Иванович. Он — сын одного из старинных друзей её мужа. И даже несмотря на то, что самого деда давно нет, фермер и по сию пору с завидной регулярностью передавал бабуле посылки с собственной продукцией и письма с пожеланиями долгих лет жизни. Поэтому-то бабушка и решила, что для «правнучки Марины Николаевны» место на огромной ферме уж точно найдётся — как и работа, и еда.

— Помалкивай, не умничай, слушайся и исполняй всё, что велено! Помни: ты моя правнучка, приехала из города поправить здоровье. У тебя проблемы с памятью, но никакого криминала! — давала она наставления.

— Прямо так и сказать: «Никакого криминала»? — переспросила я с улыбкой.

— Помалкивай, я сказала! Всё, что надо, я написала! — вновь повторила она. — Назад не пущу! Так и знай! — после этой фразы она всучила мне сложенную в несколько раз бумажку.

— Это ещё не всё, — сказала она и засемила в угол комнаты к иконам. Встала на табуретку и, немного пошелестев какими-то бумагами и пакетами, достала старенький, потрёпанный временем небольшой кошелёк. — Я дам тебе немного... на дорогу, не разбазаривай.

— Да... не надо! — отказалась я. Мне было неудобно брать деньги. Она ведь на свои сбережения уже купила мне новые джинсы и кофту. Я предлагала ещё тогда оставить ей те самые украшения, что были на мне, — так сказать, для ком-

пенсации затрат. Но она лишь отмахнулась.

— Надо! — ответила она, так же, как и письмо, всучив несколько сотенных купюр, и вновь торопливо засемила в сторону покосившегося шкафа. Пара секунд — и в её руках появились новёхонькие высокие сапоги и старая дедовская телогрейка.

— Э-э-э, нет!

— Бери-бери! — бабуля угрожающе быстро приближалась, будто готова была силой впихивать меня в этот наряд. — «Неткает»! Погляди на неё! Ишь! Она даже без дырок!

И, несмотря на все мои доводы, телогрейка и сапоги были надеты! Так и закончилась моя жизнь в маленьком деревенском домике в самом центре умирающей деревни.

Бабушка убрала со стола, украдкой вытирая краем платка глаза так, чтобы я не видела, и мы выдвинулись в сторону остановки. Она шла впереди, не оборачиваясь, но по её прерывистому дыханию было ясно, что расставание даётся ей нелегко. Как и мне.

Автобусы здесь ходят редко, и слово «расписание» здешнему транспорту не знакомо! Местные точно знают только то, что автобус приедет утром, в обед и вечерком! К чёрту часы... к чёрту условности!

Бабушка будто чувствовала, что «утром» подходит к концу, и перешла на лёгкую трусцу. И не зря! Стоило только шагнуть на трассу, как вдали замаячил он: старенький, перекошенный на один бок, свистящий при ускорении и скри-

пящий при остановке автобус.

— Спасибо за всё! — сказала я бабушке, стоя у распахнутых дверей, и крепко обняла на прощание. Какая же она всё-таки маленькая и хрупкая, да ещё и сжалась вся от моих неожиданных объятий.

— Ну всё-всё! — она мягко отстранилась, и я увидела, как по впалой щеке скатилась предательская слезинка. — Не трепись там! Поняла меня? — вновь поучала она, застёгивая на мне пуговицу дедовской телогрейки. — Помни, Алён: «твоя подушка — твоя подружка!».

— ЕДЕМ, НЕТ? — послышался возглас водителя.

Ещё раз крепко обняв старушку, я взобралась в салон. И, усевшись у окна, смотрела на бабушку, медленно бредущую к лесу. Теперь не было смысла сдерживать слёзы.

Это был последний раз, когда я видела её живой.

Глава 2. Фёдор Иванович и его семейство

Ферма Фёдора Ивановича была в полчаса езды. К слову сказать, ничего примечательного по дороге не произошло. Пейзаж за окном не отличался разнообразием: лес, лес и ещё раз лес. Оп! Турбаза у озера. Лес, лес и снова он же... лес.

Сама идея ехать на ферму была неплохой. В моём воображении это был крупный объект по производству еды, а значит, у них должен быть как минимум телефон и, пусть и слабенький, но интернет! А это уже что-то! Даже если нельзя обращаться в полицию (с чего-то это стало и моей паранойей, тщательно закреплённой бабулей), то никто же не запрещает посмотреть списки пропавших без вести. Меня же ищут родные? Наверняка ищут!

Автобус остановился посреди поля. Лишь одинокая лавка, стоящая у края дороги, должна была каким-то образом символизировать остановку! И больше ничего! Только лавка! Ну ладно!

Уточнила у водителя, как пройти на ферму, и всё оказалось достаточно просто. Чуть дальше виднелась просёлочная дорога, ведущая аккуратно туда. Проводив взглядом автобус, я осталась один на один с тропой, ведущей в неизвестность. Свернула с шоссе и неторопливо побрела к ферме через по-

ле, окружённое всё тем же лесом. Шум дороги постепенно стихал, а вдали начали вырисовываться строения.

То, что я видела перед собой, никак не совпадало с тем, что нарисовало моё воображение. А рисовало оно почему-то красные деревянные дома, зелёные луга, толстых коров коричневого цвета, пасеку с жёлтыми упитанными пчёлами, разноцветных щебечущих курочек, которые свободно бегают перед домом... Но, увы, нет. Всё было далеко не так.

Ферма представляла собой россыпь деревянных невысоких построек. Чуть поодаль раскинулись теплицы. Не новомодные теплицы, как показывают по телевизору, а какие-то кривые-косые! Местами стёкла теплиц заменили плёнкой — мера, конечно, вынужденная, но говорящая о многом. Цивилизация, как и финансы, сюда явно не торопилась! Прозасеянные поля и вереницы плодовых деревьев говорить не буду. И вспоминать не хочется...

Среди построек выделялось главное здание, к которому вела меня тропа. Это и оказался хозяйский дом. Двухэтажное кирпичное строение грязно-серого цвета с пристройками из дерева. Видимо, здание строилось и перестраивалось не одним поколением этой семьи, и оно кричало о ремонте, молило о нём!

О моём приближении хозяев громко известили лаем собаки. Пара огромных неухоженных псин белого цвета сидели на цепи ближе к дому, ещё три дворняги гавкали, но не торопились подходить. Я подошла ближе к забору и замерла,

ожидая чего-то. К моей удаче, шум произвёл необходимый эффект: из одного здания высунулась голова женщины, покрытая косынкой. Она прищурилась, чтобы разглядеть, какого чёрта поднят лай.

Я как-то машинально помахала ей рукой. Между нами было довольно большое расстояние, чтобы кричать приветствие, да и это казалось неуместным. Неловкое ожидание... Голова смотрит на меня, я на неё, и между нами собачий лай.

И вот голова нырнула обратно в проём. Через мгновение, вытирая руки, ко мне приближалась вся женщина целиком. Дама средних лет, коренастая и, сразу видно, привыкшая к труду. Её смелая походка мгновенно урезонила собак, а мне стало малость не по себе от этой звенящей тишины и шелеста её приближающихся ног. Наверно, одичала я за время, что провела у бабушки.

— Тебе чего? — спросила женщина, с прищуром заглядывая мне в лицо.

— Добрый день! Я... я ищу Фёдора Ивановича! Мне... нужна его помощь, — как-то невнятно промямлила я.

— Фёдор на шуку пошёл. Вернётся через пару дней, — ответила дама и уже начала отворачиваться в сторону сарая. Для неё диалог был закончен.

«Ну прекрасно!» — подумала я, глядя, как она отворачивается. «Нет-нет, так дела не делают. Мне некуда деваться, к бабке обратно — не вариант». Мысли просто разрывали голову: «Стоять, дамочка, я так просто не уйду!» А какие ва-

рианты? А вариантов больше нет...

— Извините! Подождите! — прокричала я, и рука сама ухватила собеседницу за локоть. Собаки отреагировали мгновенно, подняв новую волну лая.

— ТИХО! — рывкнула хозяйка, одарив их испепеляющим взглядом, и вновь обернулась ко мне.

— Простите! — вновь извинилась я. — Я к вам пришла от Марины Николаевны. Я её правнучка, и мне... мне очень нужна помощь! Мне некуда идти! Можно ли как-то связаться с Фёдором Ивановичем? У меня для него письмо от бабушки, — пробурчала я, вытаскивая из кармана телогрейки свёрнутый клочок бумаги.

Не раздумывая, «косынка» выдернула бумажку из моих рук и тотчас принялась изучать. «Это, вообще-то, не для тебя!» — бунтовало что-то внутри меня, но были у меня варианты? Нет, конечно! Я терпеливо ждала, в то время как лицо женщины скривилось, будто от вони. Хотя, честно сказать, из нас двоих пованивало больше от неё, нежели от меня. Ну, это ладно! Издержки профессии. На тот момент я не понимала, что произвело на дамочку такое впечатление! И, к превеликому сожалению, я не догадалась прочитать писанину бабушки до торжественного вручения. Вообще-то, мне казалось (и я была в этом полностью уверена), что она лишь подтверждает мои слова! Отчего же тогда такие эмоции?

Дама, пусть и нехотя, открыла калитку и кивнула в сторону дома, после чего жестом приказала следовать за ней.

Наш недолгий путь лежал через собак, которые помалкивали, но всё ещё неотрывно следили за каждым моим движением. «Они легко перегрызут твою глотку! Веди себя хорошо!» — почему-то голосом бабушки прозвучала эта мысль в голове.

Строение, из которого ранее высывалась голова в козынке, оказалось обыкновенным коровником, по которому свободно разгуливала коза. Миновав его, мы приближались к обшарпанному дому.

Вблизи становилось очевидно, что хозяева пытались привести дом в божеский вид, но делали это как-то странно. Весьма своеобразно: минимум с двух сторон к дому идут деревянные пристройки — одна пристройка свежевыкрашенная, другая почернела, совсем как бабушкин забор. Не хватило денег или желания? Но на раздумья времени не было.

Как оказалось, кивок головы был не радушным приглашением в дом, а всего лишь приглашением на скамейку за домом. Дама пальцем указала на скамью и без лишних вензелей велела: «ЖДИ!», словно одной из своих собак. Ну что же, хотя бы посижу! Путь от дома до остановки, по тропе до фермы и на «пороге» дали о себе знать нытьём в ноге и лёгкой головной болью. Травмы болели каждый день без исключения, причём различные факторы вызывали и различную боль: жарко, холодно, устала или, наоборот, долго спала — любое действие причиняло дискомфорт.

Я уселась на лавку и с нескрываемым блаженством отки-

нулась на спинку, вытянув вперёд ноющую ногу. И начала ждать.

Ждала. Долго ждала. Минут двадцать «косынка» не возвращалась. Сквозь слабо закрытую дверь слышны были попытки женщины дозвониться до хозяина фермы, но рыбак на связь не выходил, увещевая её об этом стандартной фразой «аппарат абонента выключен...». Ругалась «косынка» знатно. Моё появление, очевидно, не пришлось ей по душе. Она бродила где-то там, в глубине дома, чертыхалась и не оставляла надежды поговорить с фермером.

— Федя! — послышался радостный возглас.

После чего состоялся диалог. Из обрывков приглушённых фраз я убедилась в своей догадке: «косынка» — это жена фермера. Ну не будет абы кто так костерить своего начальника, сразу видно — ЖЕНА. Также понятно, что хозяин, как и надеялась бабуля, вообще не против моего нахождения на ферме.

Наконец разговор стих. Дверь дома открылась. В пылу безуспешных попыток дозвониться и последующей жаркой беседы косынка съехала с головы, открыв изрядно поседевшие волосы хозяйки. Несмотря на это, в глазах горел огонь, выдающий огромный резервуар энергии. Такая и коня остановит, и в избу войдёт — сомнений нет!

— Я Ольга Маратовна, хозяйка фермы. Фёдор Иваныч завтра возвращается, а сейчас сказал тебя приютить. Мы гостей не ждали, да и дел много. В доме Катя, она молоко сепар-

рирует, доделает и тебя разместит. Где вещи твои? — спросила она, оглядываясь на место нашей первой встречи.

— Нет вещей, — дурацкая улыбка натянулась на мою физиономию. Я прям прочувствовала, как обузой легла ей на плечи. Ну что поделатъ, куда мне деваться?

— Иди в дом, — сказала Ольга Маратовна. Задумчиво выдохнув, она махнула себе за спину и, натянув обратно головной убор, пошла в сторону сарая с вольно разгуливающей по нему козой.

Да уж, знакомство состоялось и прошло, как мне показалось, не очень. Не такого я ожидала, честно скажу. Воображение порой рисует такие радужные картинки, которые разрушаются реальностью на раз-два, и ты абсолютно не подготовлен к этой открывшейся действительности. Я ожидала увидеть пухлого, розовощёкого фермера в джинсовых штанах на подтяжках и белой рубашке. Он увидит меня, обрадуется, как никогда не радовался! За стол посадит да поддержит, как родную. Даст интернет и, само собой, поможет решить любую проблему! Ох уж эти помпезные фантазии... По итогу реальность отхлестала по щекам: хозяина нет, хозяйка скривила мину, чётко давая понять отношение к моему неожиданному появлению. Как-то так складываются дела.

Ладно, ждать красной ковровой дорожки и портъе на входе не приходится. Я встала со скамьи и направилась в дом.

В доме было тепло, достаточно светло и приятно пахло едой. Услышав моё шуршание телогрейкой, в прихожую во-

шла молоденькая, хрупкая девушка. Это и была та самая Катя. Она встала при входе в гостиную, скромно сложив руки на животе. Лицо озаряла приветливая улыбка, которая сразу располагает к общению. Возникло ощущение, что мы с ней точно должны поладить.

— Привет! Я Катя! — громко сообщила она, с любопытством разглядывая меня, словно диковинку.

— Привет, я Алёна, — это, в общем-то, и вся информация, которую я могла сообщить.

— Есть будешь? Или, может, чаю? — искренне поинтересовалась она.

«Нет, ты мне определённо нравишься!» — мелькнуло в голове.

— С удовольствием, — ответила я.

Катя живо показала, куда можно повесить телогрейку, поставить сапоги, и даже выдала тёплые тапки, после чего проводила за стол.

На первом этаже располагалась кухня, объединённая с гостиной. После бабушкиной избы этот дом был чем-то запредельным! Нереальным! Чисто, светло, уютная мягкая мебель, и вместо выбеленной печи — огромный камин! Запах супа и топлёного молока придавал помещению особый домашний уют.

В то время как я с интересом разглядывала внутреннее убранство дома, Катя суетилась на кухне. Она весело и непринуждённо о чём-то щебетала, вываливая информацию:

о себе, о доме, о хозяевах. Ничего особо интересного, но тишины на кухне не было от слова совсем. Возможно, именно поэтому возникло ощущение, будто мы не впервые встретились, а каждый день о чём-то секретничаем.

Екатерина работает на Фёдора Ивановича сколько себя помнит. Ещё будучи школьницей, подрабатывала разнорабочей: убирала за животными, кормила, поила, ухаживала за лошадьми. С каждым годом заданий становилось всё больше, а свободного времени — всё меньше, и в итоге она ко всем чертям забросила учёбу!

— Лучшая школа — это школа жизни! — подняв вверх указательный палец, сказала она.

Поначалу девушка жила с родителями в деревне неподалёку, а потом и вовсе перебралась к Фёдору Ивановичу и его семье. Её родители не возражали: по их меркам, перебраться из деревни на ферму — это как переехать в столицу. К слову сказать, в чём-то они и правы, особенно если взять во внимание, что родительский дом, с её слов, был ничуть не лучше бабушкиного.

Сама ферма была основана отцом Фёдора Ивановича. После пережитого в военное время голода ему хотелось иметь свой клочок земли, который сможет прокормить не только семью, но и соседей... родных, нуждающихся! Вот раньше были люди... Так вот, он страстно хотел поднять хозяйство и сделать из этого семейное дело, которое будет передаваться из поколения в поколение. Ну и... как обычно это бывает,

навязчивая идея ни к чему хорошему не привела. Да, ферму он, конечно, основал, но ухахался на ней так, что больше одного ребёночка здоровье не позволило занять. Так что Фёдор Иванович единственный наследник который «обязан приумножать хозяйство и передать его в дальнейшем своим детям».

Фермеру с потомством повезло больше. За более чем сорокалетний брак с Ольгой Маратовной им удалось настрять аж пятерых! Но, к превеликому огорчению, наследники не горели желанием копаться в земле. Трое старших упорхнули в город, лишь изредка наведываясь на малую родину повидать родителей. Их комнаты давно покрылись толстым слоем пыли, но всё ещё преданно ждут хозяев, хотя их визиты, со слов Кати, с бешеной скоростью стремятся к нулю.

Младший сын служит в армии. Он подписал контракт и теперь разъезжает по горячим точкам.

— Ольга Маратовна, как на дворе чужаков видит, её аж трясти начинает! Руки туда-сюда ходуном ходят... Всё боится похоронку получить! — как-то по-старушечьи причитала Катя. — Ночами не спит, о нём думает. Воспитала мужика себе на беду!

Вся надежда на продолжение жизни фермы возложена на четвёртого ребёнка. Катя упомянула о нём лишь вскользь. Этого наследника, как и Фёдора Ивановича, сейчас не было на ферме.

Катя болтала и болтала без умолку. Краткого описания се-

мьи фермера хватило на то, чтобы я успела насладиться свежесваренным, безумно вкусным, наваристым супом, жарким из свинины с картофельным пюре. Времени даже хватило на чай с булочкой. Еда была невероятно вкусной! Хотя фермер и присылал бабушке свою продукцию, она готовила только один продукт из коробки, не смешивая их: варёная картошка — и всё. На следующий день — тушёная капуста. А здесь тебе и куриный суп, и картофельное пюре с добавлением молока и сливочного масла, и жаркое, и компот из вишни. Я ела и не могла остановиться.

Тепло. Сыто. Тревога, преследовавшая меня постоянно, отпускала.

После обеда Катя радушно проводила меня в теперь уже нашу комнату.

— Будет с кем поболтать! — радостно предвкушала она, пропуская меня в тесную комнату, организованную в одной из деревянных пристроек к дому.

Милейшая девчушка в тот же миг освободила для меня полку в шкафу и тумбе. Поделилась средствами гигиены. Её вообще не смутило отсутствие у меня вещей.

Глава 3. Лентяи нам не нужны

Следующий день начался в четыре утра. Катя в потёмках шарахалась по комнате, создавая нестерпимый шум.

— Вставай, засоня! Утреннюю дойку проспидишь! — сказала она, трясая меня за здоровую ногу.

— Дойку?! — спросонья выпалила я, пытаюсь продрать глаза.

«Какую, к чёрту, дойку?! Да и умею ли я это делать?» Не возбуждала меня идея встать в четыре утра и идти кого-то доить. Да и вообще, с чего вдруг? Беседы с хозяином вчера так и не состоялось. На каких правах я здесь?

Накинув перед выходом косынку на голову, Катя звонко сообщила, что будет ждать меня в коровнике, и наконец-то ушла, прикрыв за собой дверь. «Жди», — подумала я и тотчас погрузилась в крепкий сон.

В начале десятого Екатерина пришла будить меня вновь.

— Вставай, Алёна! Ты чего?! Дядя Фёдор приехал! — с радостью домашнего пуделя уведомила она.

Ну тут уж деваться было некуда. Наспех я привела себя в порядок, насколько могла, и пошла в гостиную.

Фёдор Иванович только-только приехал. Он сидел за кухонным столом в грязнучем «обмундировании» рыбака и источал такой аромат... Амбре немытого мужчины впере-

межку с запахом рыбы сшибало с ног! От приятного запаха «дома» не осталось и следа! Спасибо, Фёдор Иванович! Взбодрили получше изысканного кофе!

На момент моего появления фермер успел ознакомиться с письмом бабушки. А я уже успела вновь пожалеть, что не прочла его в автобусе! Как говорила бабушка: «дурёха!». Ольга Маратовна хлопотала на кухне, накрывая на стол. Она суетливо выставляла на стол тарелки, вилки, ложки... И всё бы ничего, но, заметив меня краем глаза, её лицо вновь изказила гримаса пренебрежения.

— Доброе утро! — поздоровалась я, приближаясь к столу. Хозяйка лишь холодно кивнула.

«Да что я делаю не так? Отчего эта дама меня невзлюбила?»

— Ну, привет, Алёна, — поздоровался Фёдор Иванович и, кряхтя, развернулся ко мне. — Катя сказала, что не смогла разбудить тебя утром! Будем надеяться, дорога вымотала тебя.

— Я не помню, чтобы меня кто-то будил, — не задумываясь, соврала я.

Вот тебе и милая девчушка. Сдала меня при первой же возможности! А мне... Что мне надо было делать? «Фёдор Иваныч, я забыла и на Катю, и на коров, и на ферму вашу, и на всё вокруг»? Так надо было сказать? А потом? Плестись обратно к бабушке? Э-э-э, нет! Дудки!

— Если хочешь остаться на ферме, нужно будет работать.

Лентяям тут не место. Твоя бабушка написала, что тебе нужно время взять себя в руки и поправить здоровье. Это прекрасно! Мой отец, царствие ему небесное, всегда говорил: «труд лечит»!

— Все за стол! — рявкнула Ольга Маратовна, словно хотела до кого-то докричаться вне стен дома.

Подогнув указательный палец, который всё ещё был поднят вверх после высказывания поучительной идеи о пользе труда, Фёдор Иванович развернулся на стуле и, закатав рукава, приступил к трапезе.

— Расскажи нам, Алёна, что ты умеешь делать? — спросил наконец хозяин.

— Я? Я могу делать всё! Только покажите, как, — на этой фразе я машинально посмотрела на Ольгу Маратовну. Она уткнулась в свою тарелку и мерзко улыбнулась уголком рта. Очень хотелось спросить, чему она так ухмыляется?! Но остаться на ферме хотелось больше, поэтому я «прикусила язык».

— Ну смотри. На сегодня вам с Катей нужно побелить деревья. Работа несложная, с ней справится даже новичок. Если что-то не получается — обращайся, не стесняйся. Да что там может не получиться?

— Фёдор Иванович, могу ли я рассчитывать на зарплату? — вымолвила я, не отрывая взгляда от тарелки. Мне отчего-то было стыдно за этот вопрос.

Фермер перестал жевать и, очевидно, обдумывал ответ:

— Давай так. Катя поучит тебя неделю-другую. А после мы посмотрим на твоё поведение и решим вопрос с оплатой. Ведь зарплата — это плата за работу. А за что же платить, если работа ещё не начата?

Аккурат в это мгновение Маратовна издала надменный смешок, из-за которого тотчас подавилась.

— Ох, тётя Оль, как же вы так? — Катя заторопилась хлопнуть фермерше по спине, чтобы та не подохла. — Алён, даже не переживай! Я обязательно тебя всему научу! Вместе работать очень легко и весело! — с задором воскликнула она. — Это только кажется трудно!

После сытного завтрака семья разбрелась по делам, оставив меня в распоряжении Кати, которая по-хозяйски ознакомила с остатком дома. Если вкратце, на первом этаже двухэтажного дома размещались: кухня-гостиная, наша с Катей комнатка, туалет и душ, веранда, используемая для сепарации молока, и небольшая прачечная. Хотя прачечной это назвать трудно! Тёмная коморка, пропахшая канализацией и бюджетным порошком, с одиноко стоящей в углу стиральной машиной и неустойчивой раскладной сушилкой, перемотанной изолентой и скотчем. Да и машинке жить оставалось недолго! Судя по виду, она старше нас с Катей вместе взятых. На втором этаже располагались хозяйская спальня, спальня четвёртого и младшего сыновей и две пустующие комнаты, ожидающие беглецов-хозяев.

Экскурсия по дому на этом закончилась. И мы с энту-

зиязмом выдвинулись в сторону сада выполнять задание по окраске плодовых деревьев. Катя выделила мне передник и огромные чехлы на сапоги, чтобы не заляпаться побелкой. Работа действительно несложная. Пройтись щёткой по старой, облезшей краске и нанести новую. Звучит несложно! Но! Не ожидала я, что «работа несложная и справится даже новичок» займёт у нас весь день до вечера! Мы переходили от одного дерева к другому. Руки-ноги болят, спину ломит! Яблони, груши, сливы — нескончаемая чередка! Такая же нескончаемая, как и болтовня Кати. Она триндела весь день без перерыва на вдох. Я хотела тихо делать свою работу и думать, думать, что делать дальше.

— Катя, мне кажется, мы уже соседскую ферму красим!

— с надеждой на помилование сказала я.

— Нет, ну что ты. Это всё НАША земля, — радовалась Катя.

Ферма действительно была огромной. Поля засеяны разными культурами: картошка, капуста, овёс, кукуруза, подсолнухи, тыква и многое другое. По прибытии я подумала, что несколько ферм попросту соседствуют! Но нет! Всё это — царство-государство Фёдора Ивановича. И эта земля, следуя из рассказов Кати, снабжает экологически чистыми продуктами курортные зоны региона! РЕГИОНА! Деньги у семьи есть! Странно только, почему при этом на полях никого, кроме нас, нет.

Усталость от побелки деревьев накапливалась, а «радио

Катя» начинало потихоньку меня бесить. Из её галдежа было понятно: она радеет за ферму, хватается за все работы, не жалея себя! «НАША ферма», «а вот МЫ то сделали», «а вот МЫ это сделали», «а вот МЫ баню починим». Катя, Катенька, очнись! Твоего и вашего здесь ничего! Ты наёмный сотрудник, который пашет как конь! И когда конь охромеет, его заменят. Такова судьба любого наёмного сотрудника.

Её задор и желание трудиться не откликались во мне. Не знаю, кем я была «в прошлой жизни», но в этой убиваться на чужой ферме в планы не входит. Более того, вопрос денег стоит остро, а платить Фёдор Иванович, похоже, не особо настроен. Он так разговаривал, будто я внучка, приехавшая на летние каникулы к дедку, и, соответственно, пахать должна за сладости.

Смеркалось! Домазывая последние стволы онемевшей рукой, я наконец-то распрямила спину, и мы отправились относить инвентарь в сарай. Со слов болтушки, у хозяина пунктик насчёт порядка и чистоты: «Где взял — туда верни!», иначе несдобровать!

И вот идём мы к этому сараю. А перед входом, прислонившись к стене, стоит тощий мужик. Несмотря на то что на его голове была надета замызганная шапка, натянуть её на покрасневшие от мороза уши он не торопился. Зато сверлить меня неотрывным взглядом — силы и время нашёл. По мере нашего приближения на его лице заиграла неприятная ухмылка, и тут-то мне и стало ясно, кто передо мной. Самец!

Самец, уверенный в своей неотразимости!

— А это кто это у нас тут появился? — уточнил он, всё так же не отводя взгляд.

— Ты опять нажрался? — неожиданно агрессивно ответила Катя. — Я всё Фёдору расскажу! А ну пошёл отсюда!

Тихоня, не задумываясь, замахнулась на самца пустым ведром, после чего схватила меня за локоть и втащила в сарай.

— Не обращай внимания, Алён! Он когда пьяный, несносным становится!

— А кто он?

— Боря!

Итак, Борис. Работников на ферме немного, в основном людей нанимают под конкретные задачи. На постоянной основе трудится тот самый техник по имени Борис. Он поддерживает работу системы отопления, электроэнергии, отвечает за парк сельскохозяйственной техники. Ну, короче говоря, если где-то что-то не так, то Борис поможет. Мужик рукастый, но запойный! Пьёт, как правило, пока не рухнет! Но пьёт только по поводу, а повод каждый день новый: Боре радостно в душе, Боре грустно, у Бориса праздник либо Боря устал. Иваныч каждый раз грозит Борису увольнением; угрозам, как и их дружбе, около двадцати лет. Возможно, по этой причине алкоголя в доме нет! Ну как нет — фермер его старательно прячет! Не исключая, что Маратовна могла поддавать так же, как Боря, — не будет же фермер из-за наёмного

сотрудника вводить «сухой закон»?

Есть ещё у Бориса слабости: женщин любит очень, за что чуть было не сел, но, со слов Кати, Фёдор Иванович его выручил и дельце замяли. После чего Борис поуспокоился, пьёт в одиночестве на втором этаже коровника, где, собственно, живёт, и погружается в блуд со своим телефоном, чего совсем не стесняется.

Лариса с Артёмом отвечают за сбыт продукции и закуп всего необходимого — от семян до скотины. Работают на рынке, который считается местом притяжения местных жителей и туристов. Помимо продажи товара, обмениваются свежайшими сплетнями. Сами же Лариса и Артём не были замечены в создании слухов или распространении информации о перипетиях семейной жизни фермера. Они скорее как архивариусы: знают всё и обо всех, но сами не торопятся делиться информацией.

На ферму пара приезжает каждое утро и, если очень надо, может что-то купить и привезти с рынка. Но по лицу Ларисы видно, что любая просьба ей в напряг. Такая... деловая штучка. Руки сплошь в перстнях, красные длинные ногти, всегда яркий макияж, причёска — прямо амбассадор фермы. К нам она относилась с неким пренебрежением, проходила мимо, будто не знакомы.

Что же до нас с Катей, то в наши обязанности входит уборка дома, подготовка обеда, стирка, уход за собаками, кошками, курами, кроликами, свиньями, коровами и козами. Помимо

этого — дополнительные поручения хозяина. Логика такая: сделал свою работу — помоги другому! Так и пашут от расвета до заката.

Именно с закатом закончился сегодняшний рабочий день! Между отдыхом и мной пролегал ужин в тесном семейном кругу обитателей фермы. Трапезничали в тишине. Даже Катя молчала! Оно и понятно: от усталости болела, кажется, каждая мышца — по крайней мере, у меня! Лишнее движение, кроме подъёма ко рту ложки, должно было иметь вескую причину, потому что всё! Предел! Предел человеческих возможностей достигнут! Еда, а дальше сон — и ничего больше не надо! Веки с каждой поглощённой ложкой становились тяжелее.

— Какой всё же богатый улов, Фёдор Иванович! — нарушила умиротворение ужина Катя.

И только в это мгновение я подняла глаза. Через всю гостиную Фёдор Иванович натянул леску в два ряда, украсив тем самым помещение вонючим до невозможности уловом. В волосах утомлённой хозяйки, несмотря на фирменную косынку, то тут, то там торчала застрявшая чешуя. Кухонная столешница превратилась в цех по переработке. Пятна от рыбьих останков были не только на горизонтальных поверхностях, но и на фартуке кухни. От уюта не осталось и следа! Зато фермер сиял! «Какой же срач!» — промелькнуло у меня в голове. Странно, что до восхищённого возгласа Кати я вообще не обращала внимания на творящееся вокруг. Види-

мо, усталость стёрла эти недочёты, сфокусировав сознание на еде и предстоящем отдыхе.

— Фёдор Иванович, могу я воспользоваться интернетом?

— Интернетом? — спросил он, вскинув бровь. — У нас его нет!

— Ага, интернет! — встряла женщина с «щучьей чешуёй» на голове. — Забудь об этом, деточка! Можешь воспользоваться тряпкой и ведром. Кишки сами себя не уберут.

Реплику Ольги Маратовны в ту же секунду было решено игнорировать. Пока красила деревья, я сделала для себя некие выводы из всего, что бесперебойно молола Катя. И решила, что дамочка не в себе! Дети разбежались, сын воюет, работает как проклятая... Ну и вот! Поэтому — плевать на неё! Игнорируем! Не с ней разговор.

— И на телефоне нет интернета? — допытывалась я.

— И на телефоне нет, — ответил за всех фермер. — Зачем тебе интернет? По работе мы всё подскажем.

— Ну... мне по личному вопросу надо. Что вас так удивляет? Что в этом такого? Как же вы без интернета товара столько сбываете?

— Нормально сбываем! Без твоих подсказок справляемся! — рыкнула Ольга Маратовна. — Катя, берите тряпки и вымойте кухню! Одна я, что ли, с этой рыбой корячиться должна? Жрать все будем! А сил, как я погляжу, в запасе хоть отбавляй у некоторых!

Я вообще недоумевала: что происходит? Что за реакция?

А фермерша тем временем вскочила из-за стола и молча удалилась на второй этаж, не забыв напоследок демонстративно громко хлопнуть дверью своей спальни.

— Что я такого спросила? Или сказала? — пыталась я разобраться и как-то сгладить непонятно почему накалившуюся обстановку. — Или и спрашивать ничего нельзя?

Катя смотрела на меня так, будто я взбунтовавшийся подросток, который в очередной раз доводит родителей своим несносным характером, а она — паинька-дочка.

— Умничать нельзя, Алён! — сказал фермер, смакуя смоченную в чае печенюку. — Ферма — это отлаженный полувековым опытом механизм. Она не терпит вмешательства неопытного человека. Поменяешь не тот кирпичик — и весь дом рухнет, — философствовал «рыбак».

— Кто умничает-то? Что я менять хотела? Мне просто нужен интернет! Только и всего! У меня проблемы со здоровьем! При чём тут отлаженный механизм? — не унималась я.

— Э-э-х! Ладно! — кряхтя, фермер встал, так ничего и не прояснив. — Доброго вечера, девочки. Приберитесь и ложитесь!

— Спокойной ночи, дядь Федя! - попрощалась Катюха. Шаги фермера стихли.

— Кать, может, ты мне объяснишь, что я не так сделала? А Катя лишь пожала плечами:

— Наверное, от усталости сердитые. Пойду... принесу нам старые тряпки.

Кажется, Катя смиренно приняла нашу судьбу.

Мне стало неприятно! Дискомфортно! Захотелось уйти!
Да вот идти мне некуда!

Убирать кухню после многочасового расчленения рыбы — труд сложный. Брезгливость зашкаливала. Чешуя разлетелась повсюду, и ладно бы её можно было смести или стереть — эта мелкая хренота прилипала намертво к полу и плитке, а потом ещё и к тряпке, делая её колючей.

— Ка-а-ать, — протянула я, не отрываясь от мутной работёнки.

— Что?!

— У тебя тоже нет интернета?

— Не! — усмехнулась она. — У меня телефон старенький, да и времени нет на эту ерунду. А рецепты мне Ольга Маратовна подсказывает.

— И что, реально на ферме его нет?

— Ха-х, — ухмыльнулась она. — Ну почему нет? Есть конечно! В комнате Фёдора Ивановича. Он там погоду смотрит, новости читает... — как ни в чём не бывало ответила она, в очередной раз споласкивая тряпку. — Не знаю, зачем он тебе соврал. Делиться, наверно, не хочет.

— Не хочет делиться? — возмутилась я. — В смысле? Что такого, если я после работы полчаса поищу информацию? Интернет же от этого не кончится... не иссякнет? Они чего, со странностями, да?

— Не знаю! — непринуждённо ответила Катя, пожав пле-

чами.

Глава 4. И что дальше?

Прошло уже три дня, как я на ферме. Понятно было, что здесь нет выходных и праздников. День за днём — один и тот же график. Ранний подъём, дойка, обработка молока, сбор яиц, кормёжка скота — и понеслось.

Каждое утро в четыре утра просыпается петух и курочка Катя. К моей великой радости, доить руками животных не пришлось. Требовалось протереть корове вымя и прикрепить доильный аппарат. Пока аппарат работает, я сплю! Омрачал этот сон Борис и его рот-помойка. Он непрерывно пялился со второго этажа, не забывая при этом отпускать сальные шуточки. Все мерзкие фразы фольклора, отвратные частушки и многое-многое другое заучено наизусть и выстреливало в любую свободную минуту. Мерзейший тип!

К плюсам можно отнести и то, что козу доила исключительно Ольга Маратовна. Животное, как и его хозяйка, обладало наисквернейшим характером! Щипалась, бодалась, копытом била... Два сапога — пара! Сама же хозяйка козы не упускала возможности покритиковать мои успехи: «яйца битые», «молоко грязное» — ещё пусть скажет, что свиньи недовольны качеством обслуживания. Продыху от её выговоров не было!

Работа давалась мне нелегко! Помимо сверхвысокой фи-

зической нагрузки, мне никак не удавалось побороть брезгливость! Брезгливость ко всему: к животным, навозу, перьям, грязным куриным яйцам. Как бы я ни старалась, чистой остаться невозможно. Катю забавляло такое поведение, она заливисто хохотала каждый раз, когда на нашу долю выпадало новенькое «грязное дельце», а мне было не до смеха совсем.

Жизнь фермера далеко не для каждого! Это тяжелейшая работа, которую нельзя довести до конца! Она каждодневная, цикличная, безотлагательная и грязная. Дети фермера бежали не без причины! Забавно получается: мечта деда создать ферму стала проклятием для его внуков. Сыну-то вроде нравится. Откровенно говоря, я бы тоже бежала, сверкая пятками, при первой возможности.

Прошла только половина испытательного срока Фёдора Ивановича. Сколько мне будут платить и будут ли — остаётся загадкой. Мотивирует ли меня такой расклад на работу? Категорически нет!

Катя же о деньгах не думала вообще. На прямой вопрос: «Сколько тебе платят?» — она ответила:

— Да даже не знаю! — при этом игриво хохотала.

М-да. Девочка в полной гармонии с этим местом. Идеальный работник.

Я топчусь на месте, теряю время. Ничего не меняется. Мне нужен доступ в интернет!

Пыталась ли я пробраться к компьютеру фермера? Не со-

мневайтесь! Но, словно прочитав мысли, Маратовна запретила входить в их спальню и исключительно сама прибирала там. Этот путь закрыт.

Я хотела попросить телефон у Ларисы или Артёма. Ну, Лариса не даст, а вот её муж... Возможно. Но выловить их с утра невозможно! Пока мы копаемся в коровнике и перерабатываем молоко, они как тайфун налетают на склад, забрасывают всё в машину — и по газам!

К моей величайшей радости, и абсолютно кстати пришло поломка одного из аппаратов по переработке молока. Теперь у нас уходило вдвое больше времени на это, а другую работу никто не отменял! И Катя, которая, словно репей, таскалась за мной, не давая тишины и кислорода, снизошла и доверила уборку спален сыновей мне. И... я отправилась на поиски глобальной паутины напрямиком в личные вещи фермерских детей. Стыдно ли мне за это? Честно говоря, нет. Обстоятельства складывались так, что это единственный шанс как-то продвинуться в моём деле!

Но рано я радовалась.

У младшего не было ничего: стол, кровать, гардероб с подростковой одеждой, пустые тумбы. Его спальня больше похожа на казарму, нежели на жилую комнату.

Я возлагала надежды на комнату четвёртого сына — Владислава, который, со слов Кати, должен был вот-вот вернуться! Он, опять же, с её слов, занимается налаживанием мостов с продавцами, а звучит это так, будто ему очень нужен

выход в сеть.

Комната Влада оказалась значительно интереснее: двуспальная кровать, стол, гардероб, две тумбочки, хозяйская ванная. Раньше я не обращала внимания, но в этой комнате, бесспорно, жили двое. Женские духи, крем и резинка для волос ожидали хозяйку на прикроватной тумбочке. В выдвижном ящике — зарядка для телефона с беспроводными наушниками. Я трижды перерыла тумбу — самого телефона нет... Но оно и понятно. Во второй тумбе нет ничего, кроме неработающих часов, какой-то пуговицы, фантика и старого чека. Сдаётся мне, Владислав использует её как урну. Ни планшета, ни ноутбука, ни стационарного компьютера! Беда! Шкаф забит до отвала вещами, в основном женскими: платья, белые летние костюмы, купальники. Гардеробчик, прямо скажем, не фермерский. Шкаф пуст... Только тряпки, обувь, дорожные чемоданы, зонты, солнечные очки. Ни-че-го.

Отчаяние. Казалось, что сама судьба не даёт мне ни единой надежды найтись.

После уборки дома и обеда фермер велел идти всем в амбар, где нас ожидала целая гора немытой, только что собранной с поля свёклы. Эту гору требовалось перебрать и рассортировать: что-то на реализацию, что-то для собственного потребления. Нам с Катей доверили заняться заготовкой для семьи: отчистить от грязи, подрезать ботву и просушить для долгого хранения. Работа нудная и грязная, всё как я

«люблю». Один плюс: в присутствии хозяев Екатерина по-малкивала, только изредка поддакивала Маратовне и хихикала над своеобразными шуточками Иваныча. Можно сказать, процесс для меня проходил в тишине. Клубень раз, клубень два, клубень три — и мои руки уже делают всё на автомате, а голова выискивает новые маршруты в глобальную сеть. И словно знак свыше — в амбар зашёл он! Борька-распутник! Причём, на удивление, — трезвый. Но это только пока.

И картина сложилась. Ответ на вопрос «что делать?» пришёл оттуда, откуда не ждали. Покалеченная память тут же воспроизвела в голове то утро в коровнике, когда со второго этажа доносились характерные звуки «клубнички». А это значит что? Мне нужен телефон Борьки-рукоблуда! А как его достать? Накачать Борьку до отключки.

Глава 5. Первый выходной

Неделя испытательного срока подходил к концу, завтра ждём вердикт по зарплате. Это, конечно, ничего не решит. Даже если Иваныч зажмёт деньги, мне некуда деваться! Всё равно останусь и всё равно буду работать, хотя бы для того, чтобы не спать на улице! Теплилась надежда, что они не в курсе, сколь сильна патовая ситуация моего положения. Я вновь и вновь корила себя за то, что не прочла то самое письмо от бабушки! Что она им наплела? Знают ли они, что я с голым задом? Я чувствовала себя бесправным домашним животным на передержке, которому оказывают услугу хотя бы тем, что содержат! Но я ведь работаю! Где деньги?

Несмотря на сезон сбора урожая и безумное количество заданий фермера, Кате дают выходной. Весьма неожиданно, но причина веская — юбилей отца! Надо уважить родителя визитом в гости. И, к моему удивлению, Катя уговорила Иваныча отпустить меня с ней. Не могу сказать, что мы прям стали закадычными подругами! Нет. Честно говоря, мне просто не с кем больше общаться! Это... так называемая вынужденная связь. Тем не менее она попросила.

Фёдор Иванович поначалу не хотел давать мне отгул, тем более что накануне произошло лёгкое недопонимание. Ну, как недопонимание...

На ферме свои порядки и куча дел. Все как наперегонки стараются сделать побольше всего. У меня, как я уже сказала, таких стремлений нет. Указания летят беспрерывно! Принеси, подай, помой — и так до бесконечности. Первые дни я делала всё! Но даже когда первичный список дел кончался, они наваливали ещё и ещё, и так до захода солнца! Пришлось пользоваться своим недугом по полной: делать только первые задания, выданные утром, а дальше я «забыла». С памятью же беда? Беда. Я лечусь? Нет, не лечусь... Иваныч поначалу вёлся на эту чушь, но накануне чаша терпения переполнилась. Ну или Маратовна поднадавила на Иваныча.

— Алён, дела надо делать. Катя говорит, вы и половины не успеваете, — сообщил он мне.

Ну вот тоже интересно, да? Я Кате как мешаю делать её дела? «Подруженька», тоже мне! Говорить, конечно, я этого не стала, но вывод сделала: она, видимо, только на словах герой труда, а на деле филонит не хуже меня, ещё и стучит!

— Фёдор Иванович, я забываю всё, что надо сделать, — соврала я, повинно понутив голову. Что-что, а врать мне удавалось без труда. Текст, словно река, льётся без запинки и складно так.

Но фермер не отставал. После каждого выговора идёт наставление... поучение!

— Если забываешь — значит, записывай! Порядок должен быть во всём. Мы делаем общее дело, и работать долж-

ны все. Записала, что надо сделать, а что сделано — вычеркнула, и всё по списочку выполняешь. Порядок в деле будет, и в голове прояснится, встанет на свои места! Труд сделал из нас человека и развил цивилизацию! Трудиться надо каждый день, — поучительный монолог закончился, и фермер вперился в меня взглядом, чего-то ожидая.

Так вот, юбилей.

Иваныч разрешил ехать с Катей при условии, что она никуда меня одну не отпустит, будет приглядывать и не даст пить. Будто бы мне очень хотелось... Ольга Маратовна радовалась нашему отъезду: ведь если не будет моего надсмотрщика — Кати, я сто процентов напортачу или, того хуже, буду шататься без дела. А смотреть, как я халтуру, — нестерпимые муки.

У меня же был шкурный интерес: праздник — значит, пьянка, а на пьянке можно умыкнуть алкоголь!

Подарок для юбиляра был выбран очень элегантный: живая курица, фермерские овощи и банка вишневого варенья. Ехать до Катиного дома около сорока минут. Моя курочка принарядилась и, грациозно подхватив подарочную курочку, словно это породистая собачонка, выпорхнула из фермерского дома. Мне же предлагалось волочить овощи и банку.

В автобусе Катерина со всеми любезничала. Здравовалась и обменивалась дежурными фразами, один в один светская львица. Но меня это не волновало, я уткнулась в окно, думая

о своём. Не волновало... до той поры, пока в автобусе не появилась одна леди. На вид ей около сорока лет, некрупная, но сразу видно — бойкая дама, которая, как оказалось, работала фельдшером в сельской больнице. Врачей в регионе немного, поэтому её знали все, и она знала всех, хотя бы в лицо. Я чувствовала на себе её любопытный взгляд, а Катя, как специально, зацепилась с ней языком и засыпала «уморительными» рассказами из жизни семейки фермера.

— А это кто с тобой? — кивком она указала в мою сторону.

Моё лицо тотчас вспыхнуло, сердце забилося, а перед глазами красным светом загорелась фраза: «тебя повяжут»!

— А-а-а, это Алёна, — известила доктора Катя, не убирая приветливую улыбку с лица.

— Добрый день, — буркнула я и уткнулась опять в окно, надеясь, что общение на этом кончится.

Не то чтобы она была мне неинтересна, а скорее даже наоборот. Врач — и прямо передо мной! Моё тело, каждая его часть, очень хочет пообщаться с врачом! Но страх сильнее. Ведь доктор — он же такой же человек. И этот человек непременно разбазарит интересную историю за обедом кому-то ещё, а врачи — это близкие друзья полиции и бандитов. Все узнают про «появившуюся» внезапно внучку уже завтра.

А Катенька, спасибо ей большое, рассказала, где и как меня найти. И это трепло не собиралось затыкаться:

— Алёна недавно поселилась с нами! Из города приехала. А что в городе? Воздух ужасный, солнца не видно из-за смога... вот теперь... Приехала поправить своё здоровье к нам! — начала сливать информацию Катя, не забывая при этом пихать меня в плечо, чтобы я дополнила её занимательный рассказ какими-то подробностями.

— Аллергия? — поинтересовался врач.

— Что-то с головой, да, Алён?

— Да с головой у нас у всех, — дежурно ответила женщина. — Это всё от шеи идёт! Зарядку надо делать... Ой, девочки! — внезапно прервалась она. — Вы бы поаккуратнее были. Наши на днях опять девчонку нашли у горы. Опять приезжая! Ой... скандал невероятный.

— Да вы что... — на выдохе протянула Катюша, а глаза выдавали огонёк интереса.

— Задушили бедняжку. Она к нам в морг поступила... страшное дело! Ладно бы... просто. Убили! Издевались! Душили — отпускали, снова душили и снова отпускали, ещё и насиловали бедную. А молодая... — доктор зажмурилась, печально качая головой. — Что в мире творится! Ой!

— Кошмар, — поддакнула Катя, также качая головой.

— А следак потом сказал: она приехала с семьёй к нам... отдохнуть! Мать... отец, сестричка младшая. Отдохнула, бляха! И отец рассказывает, что девчухи в горы поехали, на закате пофоткаться, лошадок погладить! Нарядились... ой-й-й. А там разругались вдрызг. Младшая что-то обиде-

лась, в автобус села и поехала на турбазу. А старшая осталась... себя фотографировала, стояла. А автобус-то последний! Родители пока узнали, пока машину нашли — уже за полночь время было. Приехали туда, а где её искать?! Темно! Горы! Непонятно. Полицию вызвали, а наших-то пока подняли, пока они раскачались! Приехали только под утро. Кинолога вызывали. Нашли! В лесу лежала! Там после дождя размыло почву, и холм образовался с обрывом пологим. Родители на холме стояли, девочку высматривали, а она под холмом лежала.

— Боже-е-е-е, — протянула Катя.

— Да и к лучшему, что не родители нашли, чес слово! Ох, ну и жуть, конечно. Хотела заснять себя на красивом фоне, теперь красивые фотографии у следака в деле подшиты. Родителей жалко. Отпоили как могли, но... на матери лица нет, а как сестре дальше жить — непонятно.

— И сестра не видела никого? — спросила Катя.

— Сестра не помнит никого и ничего, вдвоём были они! Щас опять будут... искать ветер в поле. А туристы едут и едут, ничего не боятся, по ночам шарахаются.

Катя переменялась в лице не от испуга. Это же сенсация! Это же тема для обсуждения. Моя персона по сравнению с этими новостями элементарно меркнет.

— Такой скандал... — сказала Катя.

— Да, Катюш! Опять замнут. Туда напишут, там подмажут. Местных не трогает — и ладно! Напишут, что сама упа-

ла или... другой отдыхающий... Или сестра толкнула с утёса... Ой, Катя!

За этой «тёплой» беседой врач доехала до своей остановки, кинув на прощание «только никому». Да, конечно, «никому». Я прямо вижу, как Катерину распирает, и вижу, что бабушка была права: здесь трепать нельзя.

Мы добрались. Описать Катин дом можно только одним словом — уныние. Серый, покосившийся забор, заваленный непонятным хламом двор, опустевшая, поросшая травой собачья будка и маленький деревянный домик выцветшего, некогда голубого цвета, окна без наличников, с торчащей то тут, то там строительной пеной. Видимо, именно ей чинили всё, что можно, и что не стоило этим чинить. Он, как и бабкин дом, располагался в вымершей деревне.

Я смотрела на этот домик и понимала, что, вероятно, курица и набор овощей — всё же хороший подарок для юбиляра. Да и нужно ли им что-то большее? Непонятно.

— Вперёд-вперёд! — подгоняла меня Катя, потому что подарочная курица, утомлённая дорогой, делала тщетные попытки вырваться.

Мы прошмыгнули по протоптанной тропинке напрямик в скромный дом. На крыльце стояла куча исхоженных, стоптанных под ногу хозяина калош и не меньшая куча раздол-

банных кроссовок. Встать куда-либо, чтобы не угодить в чужой башмак, не представлялось возможным.

— Званный вечер в самом разгаре, — вылетело у меня, когда я пыталась выискать место, где можно разуться.

— Да, пошли так! — сказала Катя и дёрнула ручку двери, ведущей в дом.

— Катюшка приехала! — послышался женский голос из недр избы.

Под радостные вопли десятка подвыпивших голосов Катя вошла в дом, подняв вверх курицу, словно завоёванный кубок. Я следовала за ней, словно тень, учтиво склоняя голову в знак приветствия.

Родители обрадовались и подарку, и долгожданному приезду дочери. Мать Екатерины обняла нас и посадила за накрытый стол: соленья, зелень, копчёная речная рыба, хлеб и звезда вечера — самогон. Огромная бутылка самогона!

— Вот, чёрт! — пробубнила я себе под нос.

Народу много, сидеть неудобно, душно, шумно — спаси и сохрани. Гости теснились за столом, периодически пинаясь локтями; кто-то выходил курить, возвращался с табачным смрадом и втискивался на прежнее место, подбавляя новые нотки в стоящее амбре. Самогон испарялся из бутылки на глазах! Тост «за то», тост «за это». Всё бы ничего, но это «мой» самогон! И раз ничего другого здесь нет, мне нужен он любой ценой!

Сама я не пила. Во-первых, фермер запретил, и Катя сразу

дала понять, что мне не наливают. А во-вторых — да ну его: откуда мне знать, из чего это пошло делают? Местные пьют всё, что горит. Обычному человеку экспериментировать не стоит. Катя пила через раз — нам ведь надо было ещё возвращаться.

Голова разболелась, шум утомил, хотелось сделать глоток свежего воздуха и размять ноги.

— Мне надо в туалет, — сказала я Кате.

— Пойдём, мне тоже надо! — ответила поддатая курочка, перекрикивая шум.

Мы вышли из дома. Тишина. Свежий воздух. Приятная прохлада осеннего вечера обдала лицо. Как же мне не хотелось возвращаться обратно в дом!

Туалет оказался бабкиного типа, а именно: «дырка в полу»! На нашу удачу никто из празднующих на тот момент не «нырнул» в эту зловонную прорубь под действием «моего» самогона. От мысли о возможности такого инцидента на лице расползлась улыбка.

— Правда, тут хорошо? Прямо смеяться охота? — подметила Катя, углядев мою улыбку.

— Да уж. Лучше всех! — ответила я, удаляясь к будке.

Катя пошла в туалет второй. Я ждала чуть поодаль от вонючего домишки и именно с этого ракурса увидела его! На бельевой верёвке, закреплённый тремя прищепками, развешался постиранный полиэтиленовый пакет!

Прыть, с которой я пересекла огород из сорняков и хлама,

удивила даже меня. Добраться до места без единого падения — и заветный пакет оказался в кармане телогрейки. Тара для самогона готова! Тем же маршрутом вернулась в исходную точку, аккуратно к выходу Катерины.

— Ты чего? — спросила я, заметив растерянность на её лице.

— Давай заночуем у моих? Я боюсь... не хочу! До остановки идти через лес. От остановки полем. Там этот маньяк! — сказала Катя.

— Кать! — возмутилась я. — Да какой маньяк?! До остановки пять минут! И до фермы от остановки пять минут! Не гони! Нам надо вернуться. Нас на день отпустили! Маратовна мне... она нам обеим шею свернёт! Два дня дойку пропустить! Ты в себе?! — зашла я с козырей. Не видать мне зарплаты как своих ушей! Да чёрт возьми, мне хотелось спать в этой лачуге, ещё больше не хотелось попасть под гнев хозяйки козы.

— Нет, нет, нет! — настаивала курочка. — Они поймут. Я отвечаю за тебя! И я принимаю решение, что ехать домой небезопасно! Меня дядя Фёдор послушает! Мы остаёмся!

Напарница пошла звонить на ферму, а я вернулась на юбилей. Застолье постепенно переходило в пьяные разговоры. Бутылка обмельчала сантиметров на десять. Такими темпами протянет час, не больше.

Вернувшись в дом Катя поторопилась обрадовать маму радостным возгласом: «Мы ночуем!». Полусонный юбиляр

издал звук, похожий на радость, после чего стих. Хозяйка дома тотчас взяла управление на себя. Она, будучи опытной женщиной, сперва незаметно унесла бутылку на кухню, а после воротилась и взяла слово:

— Дорогие гости, спасибо, что пришли! За подарки спасибо и за тёплые слова! За то, что не забыли! Всем спокойной ночи!

Те «дорогие гости», которые пришли со своими жёнами, были более или менее мобильны. Кто-то сам встал, кто-то использовал свою даму. Спящие гости на намёк не отреагировали и остались до утра.

Нам же мать отдала свою кровать и уже ставшую привычной мне раскладушку. Спать мы долго не ложились. У дамочек накопилось множество тем для обсуждения, а именно: последние сплетни и, конечно же, история из автобуса, которую «никому не надо рассказывать». Мать ненавязчиво интересовалась личной жизнью дочери, задавала наводящие вопросы вроде: есть ли у неё ухажёр? Или, может, нравится кто? Но Катя, глупо смеясь, съезжала с темы. Под их бубнёж я уснула с пустым пакетом, перепрятанным в карман джинсов.

В четыре утра я открыла глаза. Вот ведь ирония, подумала я! Пора идти доить!

Катя храпела: родные стены и вчерашняя гулянка притомили девицу. В доме тишина.

Пакет в кармане, самогон на кухне. Пора!

В гостиной за столом всё так же спали мужики. Кто-то свалился на пол, кто-то поудобнее растянулся, упокоив голову на столе. Убедившись, что они дышат по мерному вздыманию спин и животов, я двинулась дальше.

Старый пол предательски скрипел подо мной, казалось, будто весь дом ходит ходуном от любого телодвижения! На цыпочках пересекла гостиную, оказавшись на кухне. У самого окна, подсвеченная лунным светом, стояла та самая недопитая бутылка! Весьма завораживающий вид, надо сказать! Как будто этот волшебный сосуд сможет исполнить все мои желания, и я искренне на это надеялась.

Жидкости оставалось пара сантиметров. Этого точно Борису будет мало! Остаётся надеяться, что, вкусив малого, его понесёт за добавкой. Итак... Пакет наготове, бутылка откупорена... Да какого хрена самогон в такой огромной бутылке? Одной рукой держать пакет, а другой наливать никак не получится. Окинув взглядом кухню, я попыталась найти стакан, кружку, да чёрт её дери, любую тару! В тару — пакет. В пакет — самогон! Но, несмотря на малые размеры кухни, вся посуда, похоже, была распихана по многочисленным ящичкам и полочкам! И вновь дом начал обороняться против меня! Пол скрипит, полки, перекошенные от сырости и времени, открываются со скрежетом. Ложки бренчали при открытии и закрытии выдвигаемых отсеков. А сейчас «уважаемые гости», вы прослушали симфонию на ложках в исполнении меня. Я начинала психовать, и вот она! Полка с чёртовыми

кружками!

Хватаю первую кружку, поворачиваюсь к бутылке.

— Доброе утро, доченька! Проголодалась?

Свет зажегся. Это мой крах.

Я стою посередине кухни с пакетом в руке и с пустой кружкой у бутылки с самогоном. Мама услышала «симфонию» и пришла. Пришла кормить голодную девочку. По-видимому, она не поняла мои намерения украсть самогон. Да и, наверно, адекватные люди такого не делают. Милая женщина спокойно взяла чайник, забрала у меня украденный пакет и пустую кружку, дав взамен вафельку.

— Садись, сейчас покушаем.

Я села. Мама суетилась на кухне. На плите приятно шумел чайник, готовился завтрак.

— А у вас, случайно, нет интернета? — невзначай спросила я. Ну а вдруг! Ну не может судьба быть так жестока ко мне. Я же стараюсь!

— А зачем? — спросила она.

У меня похолодело всё: получается, есть?!

— Мне нужно посмотреть информацию по... женскому здоровью, — соврала я.

— Да нет же, зачем он нам нужен? А что у тебя болит?

«Душа, душа у меня болит, по-вашему, «безинтернетному» региону!» — подумала я.

— У меня? У меня... ничего. Да... там, девочка одна... просила информацию скачать. Интернета-то на ферме не

очень, вот я и подумала... может, у вас есть, — шах и мат, и здесь выкрутилась, подумала я.

— Ирочка, что ли? — спросила мама.

«Какая ещё Ирочка? Чего ж ты пристала-то ко мне? Вот делаешь завтрак, вот и делай. Ну и порода! Что она, что Катя, триндят без умолку. А вот и дочурка, легка на помине».

Взъерошенная Екатерина, закутанная в какую-то безразмерную кофту, зашла в кухню.

— Доброе утро, — сказала она и плюхнулась за стол.

«Что же ты, Катя, как мешок? Ты же на ферме в это время как натянутая струна, вся такая энергичная да улыбочивая».

— Катюш, а как у Ирочки дела? Не приезжает больше? Она же уже... вот-вот должна была родить, — поинтересовалась мама.

— Она умерла, мам. Я же тебе говорила... — сказала Катя каким-то необычным, не свойственным ей тоном.

У меня всё похолодело. Я вылупилась на Катю, а та как ни в чём не бывало. Кто умер? Когда? Что за Ира?

— ДА?! — воскликнула мать и обернулась к дочери, ожидая подробностей.

— Не хочу об этом. Можно мне чаю? — раздражённо буркнула дочь.

— Ой, горе-то какое! — мама вновь колдовала на кухне, причитая под нос.

— Да, горе... — ответила Катя.

Завтрак прошёл под бубнёж девчонок. А я сидела за сто-

лом и злилась. Да, я бесилась! Меня бесила Катя! Меня бесил этот дом! Бесили бабские разговоры! Бутылка эта огромная бесила! Бесило то, что я застряла в этой глубокой заднице и ничего не получалось! За что мне всё это? Всё, чего я хотела, — свалить с фермы!

Остатки гостей продолжали спать, испуская зловонье перегара! Я поторапливала Катю как могла! И наконец, она собрала манатки, и мы оказались на свежем воздухе.

— Вот возьмите, гостинцы для Фёдора Ивановича и передайте ему большой привет! Здоровья ему и его деткам, — сказала мама, протянув пакет.

Бутылки в пакете, конечно же, не оказалось. Сушёные грибы, банка варенья, банка ещё чего-то коричневого. Катя вцепилась в пакет, мы попрощались с родителями и двинулись к остановке. Автобус пришёл быстро, пассажиров много, а главной темой стала «никому не говори» история, которая, само собой, наполнилась новыми, скорее зачастую выдуманными подробностями. У каждого сплетника имелся подозреваемый, и каждому были очевидны мотивы. Во мнении сошлись лишь в том, что местные органы накинута на историю платочек и скроют от глаз прессы и от туристов.

Пока Екатерина активно участвовала в дебатах, я дремала, прижавшись к окну.

Мы вошли в дом. Фёдор Иванович и Маратовна дожёвывали по обыденности ранний обед. Оба взглядом метнули в нас молнию.

— Явились, — сказала хозяйка, всем видом выказывая недовольство.

— Добрый день! — ответила я с задором. У меня было такое отвратительное настроение, и мне очень хотелось показать ей, что мы превосходно провели время и отдохнули, хоть это было и не так.

Несмотря на то что Фёдор Иванович согласовал нашу ночёвку, он был зол. А сегодня, между прочим, ровно неделя, как я здесь. А сегодня, между прочим, должна состояться беседа о моей зарплате. А сегодня, между прочим, не самое подходящее настроение обсуждать, сколько Фёдор Иванович должен мне платить! Наверное, во избежание увольнения разговор стоит перенести.

Фермер выдал Кате список дел. Они с «Косынкой» выполнили наши утренние дела, теперь мы должны помогать им. Ну, здесь не спорю, это честно! Весь оставшийся день мы с моей новой подружаней корячились на ферме. Нам доверили собрать старую мульчу с грядок. Не знаю зачем! Но надо, значит, надо. Таскали мы её сперва вёдрами, потом мешками.

Борис маячил у тракторов, на удивление, трезвый как стекло. Судя по трёхэтажному мату, он никак не мог понять, что сломалось в многотонной машине. Я неотрывно наблюдала за ним, как охотник за жертвой; на что надеялась — не знаю, но уходить рукоблуд никуда не собирался.

Он позвонил одному, другому, но предложенные ими всеми варианты не помогли завести трактор.

— Не может это быть стартер! ДА ОН НОВЫЙ, ГОВОРЮ ТЕБЕ! — Борис кричал то ли на друга, то ли на трактор, но так машина всё равно не заработает. — Телефон сел, тварь такая. Перезвоню! Да понял я! Перезвоню!

Смачно харкнув рядом с колесом неисправной техники, он отправился в сторону коровника. Варианта два: первый — Борис ставит телефон на зарядку и остаётся с ним, выискивая в интернете варианты неисправности. Второй — оставляет сотовый заряжаться, а сам возвращается к трактору. К моей великой радости, история пошла по второму варианту. Я поняла, что ПОРА! Слежка завершена! Пора переходить в атаку. Борис, весь в своих мыслях, рассерженно шагнул обратно с каким-то новым инструментом, прихваченным в сарае.

— Кать, пойду вёдра отнесу, — сказала я, памятуя о том, что Иваныч не переваривает разбросанный по территории инвентарь. — Не хочу снова попасть под раздачу, — для убедительности добавила я.

— Давай, — ответила Катя. — Захвати водички на обрат-

НОМ пути.

Кате было самой до себя. После отцовского самогона ей было откровенно плоховато. Полежать бы немного, а нет... приходится торчать вниз головой, раскладывая новую грязь взамен старой!

Коровник в двух шагах от сарая. Времени в обрез, Боря не будет дожидаться полной зарядки. У меня от силы десять-пятнадцать минут. Влетаю в коровник, залезаю на второй этаж, хватаю телефон. Устройство просит графический ключ. Эх! Борис, ты же такой умный, а здесь такой пустяк. Я выключила подсветку телефона, приподняла его на уровень глаз и поймала на экране свет от ламп коровника. Грязные ручонки Борьки оставили чёткий путь графического ключа. Повторив узор, телефон разблокировался. Мне воздалось за все мучения!

Что дальше-то? Браузер не грузится. Почему не грузится? Он же здесь постоянно уединяется, значит, с интернетом должно быть нормально? Я посмотрела в настройках: отключён интернет. Пытаюсь подключить, а он не подключается! НЕ ПОДКЛЮЧАЕТСЯ, МАТЬ ТВОЮ! Я и так пробовала, и эдак. Связь есть, горит три палочки, а СЕТИ НЕТ! НЕТ! НЕТ!

И здесь до меня доходит страшное. Я открываю галерею телефона и нахожу целый рой картинок.

— ТЫ СЕРЬЁЗНО?! — от негодования я произнесла это вслух, чем вызвала обсуждение среди коров.

У него нет интернета! По крайней мере, хорошего и постоянного доступа к нему. Алкаш качает себе «всё это» и радуется, сидит. Среди фотографий — просто девушки, заснятые на фоне природы, мои с Катей фотки в полусогнутом виде и изображения в стиле ню, скажем так. Видеофайлы соответствующего содержания тоже в галерее. Чёртов извращенец! Беспольный чёртов извращенец! Я положила телефон на место.

Очередной провал! Полнейшее разочарование.

Я вернулась к Кате, совершенно забыв про воду.

— Ты чего так долго? Где пропала?

— В стране несбывшихся надежд.

— Чего?

— Ничего, давай доделаем уже...

Глава 6. Не в деньгах счастье

Пахали мы всю следующую неделю как кони: то одно, то другое. С Иванычем поговорить так и не удалось, потому что свиньи подхватили какой-то вирус, а это очень серьёзный удар по бюджету семьи. Фермер снабжает мясом турбазу, рынок, конюшню и мясные лавки в районе. Потеря поросят — это трагедия. К нам приезжал ветеринарный врач, они с Фёдором Иванычем долго искали варианты, но вариантов не было. Поголовью вынесен смертный приговор. Хозяин подавлен, Маратовна искрит от минимальных косяков, ферма как на иголках.

Спустя пару дней после утилизации поголовья и очистки свинарника нам должны были привезти новых поросят. Казалось бы, буря утихла и можно общаться! На очередном «семейном» обеде, набравшись смелости, я начала:

— Фёдор Иванович, я уже тут три недели, и... у меня закончились сбережения. Испытательный срок истёк?

— А на что ты их потратила, свои сбережения-то? — глядя исподлобья, спросил он.

Вопрос поставил меня в тупик. Что это вообще за вопросы такие? Тебя как должно волновать, на что я трачу? Нормально вообще такие вопросы задавать человеку?

— Мне нужно понимать, на какую сумму могу рассчиты-

вать, Фёдор Иванович! — сказала я, сильно стараясь смотреть ему прямо в уставшие глаза, иначе бой будет проигран. — Я работаю с утра до вечера, как все тут, и рассчитываю на вознаграждение!

Он перестал есть, а это плохой знак. Очень плохой знак.

— Послушай меня, Алёна. Этими разговорами ты ставишь меня в неловкое положение. Ты грянула к нам как гром среди ясного неба. Мы не искали сотрудников, но тем не менее приняли тебя. Приютили, кормим и поим. Обучаем тебя фермерству, а это дорогого стоит. Это полезный, ценный навык. Мы приняли тебя в семью, несмотря ни на что. К тому же сейчас крайне тяжёлый период для фермы, а ты закрываешь глаза на наши обстоятельства... И смеешь просить деньги? — сказал он всё так же, не отводя глаз и даже не моргая.

«Смею просить», «приняли, несмотря ни на что» — серьёзно? Навык сдерживать свои эмоции оказался недостаточно развит.

— Что значит «смею просить»? Мне деньги нужны, а не семья или этот навык! Пф-ф-ф! Фермерство! — выпалила я и отвела глаза.

Катя вылупилась на меня так, словно я осквернила святая святых.

— Своей работой ты и на булку хлеба не наработала, тунейдка! — мгновенно ринулась в ругань мать семейства. — Где Алёна? А Алёна в доме. Алёна обед приготовила? Нет, Алёна полдня картошку чистит...

— Я нормально работаю! — сделала я попытку вклинить-ся в монолог Маратовны, за что мгновенно получила пинок от Кати под столом. Но жена фермера и не думала затыкаться.

— ...Где Алёна? А Алёна в сепараторной спит. Алёна по-лы помыла? Помыла, только где видно? А под кроватями сами мойте... Ещё непонятно, кто заразу к свиньям принёс! — включилась Маратовна.

— Вы их своим змеиным ядом потравили, — огрызнулась я.

— Алёна, прекрати! — как-то тихо произнёс фермер.

— Ты как смеешь рот свой открывать в таком тоне! — шарахнула по столу хозяйка.

Катка нервно взвизгнула, я, надо сказать, тоже подпрыгнула, но даже не собиралась отступать, а фермерша продолжала:

— Ты кто? Ничтожество безродное! Не нравится! ТАК КАТИСЬ! ПОШЛА ВОН! ПОШЛА ВОН ИЗ МОЕГО ДОМА!

— Так, девочки, ну-ка... — начал фермер.

— Знаете, что? — сквозь зубы проговорила я, вскакивая из-за стола. — Нормальные фермеры как сыр в масле должны жить, а вы неудачники! Ферма ваша загнётся ко всем чертям, как и вы! Всего доброго! — не дожидаясь новой порции оскорблений, я понеслась в свою комнату, случайно опрокинув по пути стул, на котором сидела.

Катя громко ахнула, еще шире распахнув глаза.

— КУСОК ГОВНА! — полетело мне вдогонку. - СКА-
ТЕРТЬЮ ДОРОГА! ВЕТЕР В СПИНУ! ТЫ ПОСМОТРИ
КАКАЯ?!

Гнев накрывает меня. От ярости трясутся руки. Внутри себя крепко и десятиэтажно проклиная всех сидящих за столом. Влетаю в нашу с Катей комнату, чтобы собрать манатки, а потом понимаю: ничего моего здесь почти нет. Переделалась в вещи, подаренные бабушкой, и выдвигаюсь к выходу.

Катя влетела в комнату через минуту и перегородила дверь:

— Ты чего творишь?! Иди извинись, ты не права! — взмолилась она.

— Я не буду тут корячиться бесплатно! Это не моя ферма и не твоя! Разуй глаза! Никто не работает бесплатно! Хочешь — паши! А мне не надо! Спасибо! Отойди.

На эмоциях я дёрнула ручку и распахнула её с такой силой, что ударила Катю.

— Сдурела?! — выпалила она.

Я пронеслась сквозь гостиную, где всё ещё сидели хозяйева, к выходу. Вылетаю на улицу, с грохотом захлопываю входную дверь и... остаюсь один на один с осенью. И вот «хозяйка своей судьбы» стоит в бабкиных сапогах, старой дедовской телогрейке и с суммой, которой едва хватит на оплату двух поездок на автобусе.

Где-то глубоко-глубоко в душе была надежда, что хозяйева

вот-вот распахнут дверь, окликнут или как-то сгладят ситуацию. Остановят. Но... нет.

Своей несдержанностью, вспыльчивостью и... даже не знаю чем ещё... я максимально усугубила своё положение. И теперь, гордо хлюпая носом, я шла к остановке. В такие ситуации часто попадают люди, которые во всеуслышание кричат, что «знают свои права» и «не лезут за словом в карман». И вот я одна из таких людей. Меня прогнали. Выставили из дома. Похоже, я перегнула палку. В голове вертелась идиотская мысль: «Когда закрывается одна дверь, открывается другая». Ну где это «другая дверь» и работает ли этот принцип вообще, мне предстояло проверить на собственной шкуре.

А тогда я шла в сумерках по тропе, ведущей через поле к лавке-остановке. На небе собирались тёмные осенние тучи, предвещая приближение дождя. Что делать? Куда, чёрт побери, ехать?! К бабушке? А толку? Мне нужна работа...

Я слышала и не раз обрывки разговоров между Артёмом и фермером. Большую часть фермерской продукции удаётся распродать на турбазе. А значит, там кипит работа. А значит, там могут искать сотрудников. И вот она я! Готова! Готова хоть на какую! Только вот ма-а-аленький нюанс: у меня совершенно нет документов!

Я сидела на лавке, украдкой утирая слёзы и сдерживая рыдания. Прошло три месяца с тех пор, как я открыла глаза в домике бабки, и с тех пор не вспомнила о себе ничего. Ко-

гда слёзы смыли налёт жалости к себе и эмоции поулеглись, а прохладный воздух поступил в мозг, вернулась решительность. Скорее даже не решительность, а безысходность, призывающая к действию, — так точнее.

Машины резво проезжали мимо, озаряя меня ярким светом фар, а автобус не торопился. Надежда, что я не пропустила автобус, который приезжает «вечерком», угасала.

Плевать. Не приедет автобус — поймаю попутку. Отдам все деньги и... попаду на ту тварь, что напала на девчонку... да кому я нужна?

Поеду на турбазу и буду просить о работе. Если нет — поеду на конюшню и там о работе буду уже умолять! Возможно, подвернётся какая-то халтурка, хоть стойла чистить — да наплевать! Я буду спать хоть с жеребцами рядом. Мне наплевать, только, пожалуйста, платите!

Пока мозги работали, внутренний голос словами бабки причитал: «Ну что, Алёнка, отстояла свою честь? А говорила я тебе: заткнись и сиди тихо».

Из мыслей выдернула подъехавшая к остановке машина. Сердце екнуло, но я и напугаться толком не успела, как в открывшемся окне увидела угрюмое лицо Ларисы.

— Ты чего здесь сидишь? — строго, по-учительски спросила она, сильнее обычного сдвинув брови.

— Уволили, — сказала я и, как маленький нашкодивший ребёнок, пожалала плечами, будто не имею ни малейшего представления, из-за чего.

— Уволили?! — изумилась она. — Очень замечательно...

— И? Куда ехать-то тебе надо? — крикнул Артём с водительского сиденья.

— На турбазу, — ответила я, перепрыгивая взглядом с хмурой Лары на улыбчивого Артёма, который в ту же секунду махнул рукой, приглашая в машину.

Волна облегчения теплом прокатилась по телу. В машине было тепло, сухо, по радио что-то бубнили хохотливые ведущие, стоял стойкий аромат дамских духов. Возможно, успокаивало ещё присутствие рядом взрослых людей. Они производили всегда на меня впечатление строгих, но при том понимающих, способных что-то подсказать, помочь, но при этом не прогнуться. Возможно, это только кажущееся чувство.

— Ну... и как тебя угораздило вылететь с фермы? — спросила Лариса, как только мы отъехали от лавки.

— Я... ну...

— Ну?! — подгоняла меня амбассадорша, сверля взглядом.

— Ну, я попросила... ну как попросила... я спросила про зарплату. А Фёдор Иванович с чего-то решил, что работникам платить не очень-то и надо, — обиженно пробубнила я.

— Пф-ф-ф, — закатив глаза, она слегка хохотнула, пихнув под руку мужа. — Нашла у кого денег просить! Иваныч ещё тот скряга!

— А я вообще-то чет думал, что ты родня его. На побывку

приехала! — удивился Артём.

— Родня?! — удивилась я. — Нет! Я пришла работать, а там, кажется, никто за деньги не работает. А за идею мне как-то не по душе пахать.

— Эт да-а-а, Федя у нас такой! — поддакнул Артём.

— Да ему самому бы кто помог! — ответила Лариса. — Едва концы с концами сводит. Дела на ферме давно идут неважно!

— Да?! — удивилась я.

— Конечно! — воскликнула Лара. — На пятки наступают конкуренты из агрохолдингов. Местным чего надо? Чтоб подешевле да побольше! Им эта вся экологическая чушь не интересна! А мы цену опустить не можем! Только и остаётся по туристическим точкам товар сбывать, и то... потому что Феде они отказать не могут.

— Пока не могут, — ответил Артём.

— Пока... Нам бы в другие регионы пробраться, а как? Нет ни рекламы, ни связей, ничего. Да и уже... Помнишь, была шашлычка и хинкалка у дороги? — спросила она у мужа. — Так они новых поставщиков нашли. А ещё чуть подалее его товар вообще никому не нужен. Да оно и понятно: поди-ка продай кому сливочное масло в целлофановом пакете! Ни состава, ни упаковки... Да, лицензия. Этой лицензией можно подтереться, если товарного вида нет! Никак он не может понять, что нужно вкладываться не только в ферму!

— Ну вот, Влад вернётся и... — начал Артём.

— И ни хера не изменится! Будем и дальше на рынке стоять! А что мы там продаём... слёзы! Плевок в океан! Окупает разве что солярку. И ты ещё, Алён, какие-то деньги хочешь!

— Но я же их заработала!

— Да понятно всё с тобой! — ответила Лара. — Нервишки шалят... вспылила.

— Отойдёт! Денёк-другой! — утешал Артём.

— Да их как прокляли, прям! — продолжала Лариса. —
Прошлой весной телята... — сказала она, загибая палец. —
О лете вообще молчу, сейчас свиньи.

— Они телят теряли? Тоже заболели? — спросила я.

— Да не! — ответил Артём. — Напортачили чего-то. То ли лекарства перепутали, то ли чё. Коровы весь приплод-то и скинули.

— Чего? — не поняла я.

— Приплод... — повторил Артём.

— Осеменённые коровы отелились раньше времени. Некоторые издохли. На Иваныче тогда вообще лица не было. Я думала, он Катюху прибьёт. Ну не прибьёт — выгонит так точно.

— Да куда её выгонишь... — тяжело вздохнул Артём.

— Это да. Если ещё и Катька свалит, то всё. Плохи дела у Иваныча. А сейчас свиньи... — продолжала Лариса. —
Получается, семейное дело летит в трубу. Ферма загибается.

Денег нет. Детки свалили, паразиты, и плевать хотели на весь наш сраный колхоз.

— Лар, не заводись.

В машине повисла тишина.

— А вы не знаете, может, кто сотрудников ищет? — спросила я.

— Ну-у-у, — протянул Артём. — Здесь кумекать надо. Просто так — разве что на разовую работу, и то... Как раз таки разовая работа у Иваныча и есть, — усмехнулся он. — Могу поспрашивать, конечно. Но обещать чего-то...

— Я поняла... — вздохнула я.

Мы остановились на ярко освещённой парковке посреди леса.

— Возьми, — сказала Лариса и протянула визитку, зажавшую между наманикюренными пальцами. — Если будет совсем тяжело, звони.

— Спасибо большое, — поблагодарила я и выскользнула в прохладный, осенний воздух.

Местная турбаза — это россыпь небольших деревянных домиков, уютно расположившихся на берегу озера и со всех сторон окружённых нетронутым лесом. Идеальное место для семейного отдыха, рыбалки, шашлыков — да всего, чего угодно! Удобные гамаки, лавки, мангалы, пирс и даже лодки. Место пользуется спросом. Тут были и семьи с детьми, и весёлые компании, и совсем взрослые люди, молчаливо сидящие на берегу озера. Тишина, умиротворение и первоздан-

ная красота природы.

Основное здание разместилось ближе всех к дороге. Преодолев парковку, рассчитанную как минимум на двадцать, а то и больше машин, я добралась до входа. Отделанное под дерево железная дверь беззвучно открылась, приветливо впуская меня. Внутри было тепло. Приятный жёлтый свет дарил покой и уют этому месту. Пахнет свежесваренным кофе, домашней едой и выпечкой. Справа от входа расположилось кафе с барной стойкой, полной различных сладостей. Столики для гостей разместились вдоль стен. Они были отгорожены друг от друга вазами с какими-то цветами, фикусами и весьма гармонировали с видом из панорамных окон, открывающим обзор на озеро.

Не успела я толком осмотреться, как взгляд упал на парня моего возраста, может быть, даже чуть-чуть постарше. Он стоял за стойкой администратора и абсолютно не замечал моего появления, ведь был полностью увлечён игривой беседой с симпатичной официанткой из кафе.

И, знаете ли, хорошо, что не заметил меня. Оказавшись внутри, я моментально испытала дискомфорт. Стыд. Неуместность моего присутствия. От меня воняло фермой! Я была одета в уже ставшую грязной телогрейку и не менее грязные по самую щиколотку сапоги. Под моими ногтями было больше грязи, чем в тех цветочных горшках, что гармонировали с видом из панорамных окон. Но я не гармонировала. Ни с чем тут не гармонировала.

— Нет, мне тут не место! — пробормотала я, поворачиваясь к выходу, и остолбенела.

В противоположном от кафе крыле находились небольшие комнатки — для тех, кому вдруг приспичило поработать. Я уже почти вышла, когда заметила приоткрытую дверь. Из-за которой на меня насмешливо смотрел монитор с красочной заставкой: GOOGLE.

Ну конечно!

Меня будто встряхнули.

«А ну-ка, собралась!» — проговорила я сама себе и уверенным шагом, постукивая резиновыми каблуками грязных сапог об пол, направилась напрямую к пареньку.

— Добрый вечер! — сказала я, прервав воркование голубков.

— Добрый, — разом ответили они, после чего девушка шмыгнула в сторону кафе, а парень, по всей видимости не испытывая ко мне никакой неприязни или брезгливости, приветливо улыбнулся.

— Я к вам по срочной просьбе Фёдора Ивановича с фермы. Можно переговорить с руководителем?

— Руководитель? В такое время, вероятнее всего, нельзя. Может, я смогу помочь?

— Ну-у-у...

— Удивите меня! — заулыбался парень.

Официантка из кафе с интересом наблюдала за беседой.

— Ну... у меня вообще-то вопрос жизни и смерти. На

ферме проблемы со свиньями, вы... наверняка слышали...

— Пф-ф, конечно!

— ...И на днях нам должны привезти новых поросят. Фёдор Иванович не переживёт повторения истории. Он хочет усовершенствовать свинарник... автоматизировать их как-то... и обезопасить! В общем, нам срочно нужна информация о современных методах и профилактических мерах по предотвращению инфекций.

— И? — сказал паренёк.

— На ферме пропал интернет. Свет моргнул, и всё! Что там с ним?! Борис всё облазил, говорит, обрыва нет... но и сети нет! Позвонили... когда починят — непонятно. И... Фёдор Иванович сказал, что на турбазе мне точно помогут. Вам-то без свинины тоже туго.

— Да уж, шашлыков нет уже неделю.

— Бо-о-льше, — поддакнула девчушка из кафе.

— Могу я...? - я указала себе за спину туда, где была открыта дверь.

— Да вообще без проблем! Только сядьте, пожалуйста, за второй компьютер, чтобы вас не видно было, — добавил он, вновь оборачиваясь к кокетливой официантке.

Это была моя победа или удача. Не знаю, как назвать. Но впервые с лета что-то получилось! Пусть даже и такая мелочь.

Глава 7. Невостребованная личность

Стянув телогрейку и сапоги, я удобно разместила перед компьютером в предвкушении конца своих скитаний. Но с чего начать? Интернет появился так внезапно, что вышиб меня из колеи. В воображении было как-то всё проще. Нахожу интернет, и... всё! Конец страданиям! Я сразу нахожу себя... где-то! И вот уже знаю, что произошло! Раз, два — и я дома! Но вновь всё оказалось не так. С чего начать?

Я вырвала себя из оцепенения и прикоснулась к мышке.

Первым делом решила просмотреть списки без вести пропавших по этому региону — начиная с лета. Список оказался небольшим, и большая часть записей была с фотографиями. Проверка заняла от силы десять минут.

И ничего.

Но почему-то мне это было очевидно.

Я знаю наверняка только одно: я не отсюда. Я не могу быть местной! Меня бы давно узнали!

Смело убираю из запроса регион пропажи — и теряю дар речи.

Перечень без вести пропавших составляет без малого семьсот страниц. К тому же у многих людей нет фотографий.

И почему никто не додумался сделать фильтр по полу, возрасту или хоть по какому-то признаку?

Перелопатить этот список невозможно, к тому же парень со стойки так и не сказал, сколько у меня есть времени.

«Да твою мать! Он необъятный!» — закричала паникёрша у меня в голове.

Кое-как переборов оцепенение и пустоту от несбывшихся ожиданий, я начала перелистывать мужчин, стариков, детей, людей другой национальности. Работа пошла. Не скажу, что быстро, но пошла.

И только я погрузилась в процесс с головой, как в комнату вошли...

За соседний компьютер, по-домашнему вразвалочку, уселся подвыпивший постоялец. В левой руке — полупустая пивная кружка, а правая ухватилась за «мышку», говоря о том, что пассажир пришёл надолго, а не случайно заглянул.

Я пыталась сосредоточиться, но он мешал! Бездумно лазил в интернете, читал новости, смотрел без звука видео, сопровождая просмотр смешками и смакуя с причмокиванием остатки пива.

«Да допей ты уже!» — хотелось прокричать мне.

А мужи-и-ик вообще никуда не торопился. Каждый микроскопический глоток он сопровождал причмокиванием и выдохом блаженства. Непроизвольно я громко выдохнула, чем, к великому сожалению, привлекла его внимание.

— Здравсьте, — сказал он, усевшись вполоборота.

— Добрый вечер, — ответила я, не отрывая взгляда от нескончаемого списка, и поняла, что пивозавр тоже уставился в мой монитор. Я же всем видом показывала недовольство его присутствием.

Но ему было невдомёк, кажется.

— О-хо-хо, а кто это у нас здесь ищет знакомства?! — игриво спросил он.

— Чего? — пробубнила я, кинув вопросительный взгляд на паренька.

— Зачем же искать непонятно кого, если рядом есть я?! Приятно познакомиться, Ярослав! — улыбаясь, как чеширский кот из сказки, пивозавр развёл руками, презентуя никого иного, как самого себя в качестве идеального партнёра.

— Я? Я не ищу знакомств, извините! — ответила я, деловито отворачиваясь, и, казалось бы, на этом диалог должен был прерваться, но нет!

— Ах вон оно... — он прищурился и продолжал действовать мне на нервы. — Пропавшие без вести! И кого же мы потеряли?

Он мне мешает! Он тратит моё время! Он дышит на меня пивом и какими-то чесночными сосисками. Неожиданно для самой себя я повернулась:

— Видишь ли, я ищу информацию о девушках, которые пропали в этом регионе...

— Я ПОНЯЛ! — сказал он, вылупив глаза. — Вы из полиции! Это интересно! И как же продвигаются... ваши... сис-

ки? — он дебиловато рассмеялся, ожидая того же от меня.

А мне вообще было не до шуток.

— Послушай, друг! Не так давно постоялицу с этой турбазы жестоко убили. Некто пригласил её на прогулку, а затем... насильовал и душил, давал вздохнуть и вновь душил. И она не одна такая... далеко не одна! И... судя по показаниям очевидцев, знакомился этот некто аккурат здесь. Знакомился, смазливо улыбался... и тащил в лес! Как думаешь, схожи его действия с твоими?

— Чего?

— Может, стоит прервать твой отпуск и пообщаться в менее живописном месте? И на этом закончить СЫСК?

— Пф-ф-ф, я только вчера приехал, не гони!

— А это следователю расскажешь. И почему пьёшь в непопложенном месте, тоже расскажешь. И отдых твой превратится в незабываемое путешествие в камеру предварительного заключения до выяснения всех обстоятельств! Так что? Пожелаем друг другу спокойной ночи? Или познакомимся поближе?

Игривое настроение улетучилось.

— Всё! Понял! Извиняюсь, был не прав! — прихватив остатки недопитого пива, мужик срочно ретировался, оставив меня наконец-то один на один со списком лиц, попавших в беду, таких же лиц, как и я!

Текст, выданный мной мужику, шокировал не только его, но и меня. Может, я оперативник? А может, сама частый

гость КПЗ? — не унимался внутренний голос, но второй вариант я упорно отметала! Я чувствую, что я — добрый, законопослушный человек! Который попал в беду или в передрягу, будучи вовлечённым в неё кем-то! Мне нечего скрывать! Думала я! Но реальность прямо сейчас говорит об обратном. Если в списках честных людей меня нет, буду проверять полицейские сводки.

Время стремительно кончалось. Свет в маленьких домиках у озера затухал. На часах 22:43. Шум за спиной стих. Дверь перестала хлопать, смолкла музыка, ненавязчиво игравшая весь день на фоне. Послышался лязг ключей в главной двери. Администратор про меня забыл!

«Прекрасно! Есть где переночевать, и есть время до утра как минимум!».

Но и этого времени оказалось мало. Я просидела всю ночь, изучая бесконечные списки, и всё впустую! В уставшую голову начали закрадываться самые разные мысли: «Может, я сирота? Хотя друзья же должны быть, или коллеги? Разве может человек просто пропасть? Пропасть — и всё! И окружающие что... проигнорируют этот факт?».

Мы сидели, глядя друг на друга: я и трое пропавших без вести с монитора. Что с нами случилось, господа?

Руки машинально листали новости региона: ограбление киоска, пожар в деревне, пьяные разборки с поножовщиной — абсолютно ненужная информация, которой я пыталась заглушить шум вопросов в ушах.

Внезапно всплывшая статья под громким названием «Тур в асфиксию» выдернула из раздумий:

«ТУРИСТИЧЕСКИЙ МАРШРУТ» СМЕРТИ: ВОСЕМЬ ЗАДУШЕННЫХ ТУРИСТОК ЗА ДВА ГОДА

Власти молчат. Полиция не связывает преступления. Редакция заявляет: в регионе действует маньяк.

Уже второй год на популярном туристическом маршруте находят тела задушенных девушек. Со следами изнасилования. Восемь жертв.

Местные власти и турбизнес, чей доход напрямую зависит от потока туристов, делают всё, чтобы скрыть проблему. Огласки нет. Признаний — тоже.

Сколько ещё должно погибнуть людей, прежде чем об опасности предупредят официально?

Могут ли местные жители спать спокойно? Нет.

Полиция отказывается связывать преступления воедино. У следователей нет ни психологического портрета насильника, ни единой версии.

По данным нашей редакции, уголовные дела по предыдущим эпизодам уже закрыты. Виновные, якобы, осуждены.

Мы не согласны с этим решением.

Мы смело заявляем: это дело рук одного человека или устойчивой группы. И требуем нового расследования.

ЧТО ДЕЛАТЬ ТУРИСТАМ

Будьте предельно осторожны:

· Не оставайтесь в одиночестве

- Избегайте незнакомцев на дороге
- Распространяйте это предупреждение в соцсетях и мессенджерах

ЕСТЬ ИНФОРМАЦИЯ?

Срочно свяжитесь с нами по телефону или электронной почте.

Анонимность гарантируется — чтобы избежать негативных последствий.

За помощь в поимке виновного редакция выплатит денежное вознаграждение!»

— Йопс-с-с, тудэй! — пробормотала я. — Ферме конец, ещё и девок душат... сейчас туризм накроется... Вот же угораздило меня!

Я пролистывала ленту пока не наткнулась на улыбающуюся физиономию Иваныча.

«Крупный фермер потерял свиней: мясо изъято. Опасно ли молоко и яйца?».

После того как крупный фермер потерял поголовье свиней (причина уточняется), местные власти экстренно изъяли свинину с прилавков и из ларьков. Жители обеспокоены: не заразятся ли они через молоко и яйца?

Опасно ли молоко и яйца?

С большой вероятностью — нет. Свиные болезни (например, африканская чума свиней или трихинеллёз) не передаются через коровье молоко и куриные яйца. Однако если вы покупали домашние продукты на том же рынке — убедитесь,

что они хранились отдельно от мяса.

Что следует проверить тщательнее?

1. Полуфабрикаты и колбасы — в них могла попасть заражённая свинина.

2. Готовую выпечку и консервы с мясом.

3. Условия хранения в ларьке, где продавалась свинина — возможно перекрёстное заражение других продуктов.

Главный совет: пока не появятся официальные результаты экспертизы, воздержитесь от покупки свинины и любых мясных изделий у этого фермера. Яйца и молоко — при термической обработке безопасны.

Будьте внимательны, но без паники.»

Сдаётся мне, что дела у них теперь пойдут совсем плохо. Мы, разумеется, избавились от поголовья и прошли полную санитарную обработку, но в статье-то об этом не пишется вообще ничего!

Под этой статьёй есть особая рубрика: новости за всё время, где хоть раз упоминался наш «святоша» фермер. И его родовое проклятие... то есть семейное дело.

Конечно, я не удержалась и заглянула.

Статьи, как вы уже догадались, в основном хвалебные. И это неудивительно. Фёдор Иваныч, по словам Ларисы, здесь настоящий царь и бог. С ним хотят дружить, его гладят по шёрстке. И, скорее всего, он тоже входит в число «власть имеющих» — тех самых, кто заинтересован в туризме.

Но сами статьи... скучнее некуда.

Удои сногшибательные. Мясо вкуснейшее. Сыры уникальные. А навоз — просто «вкусный», хоть ложкой ешь.

Лесть лилась рекой. Тексты приторные, как дешёвый сироп, и щедро сдобрены фотографиями: довольный фермер, коровья морда, опять довольный фермер.

Я пролистывала их со скоростью, которую только позволял колёсико мыши.

Но статья с фотографией раскуроченного автомобиля заставила меня притормозить пролистывание.

«В смертельное ДТП попала невестка местного фермера».

«Сегодня утром регион облетела трагическая новость о смертельном ДТП на 28-м км «туристического маршрута». В результате столкновения погибло четыре человека. Арендванный в здании аэропорта автомобиль Hyundai Solaris, в котором, по предварительным данным, находились трое туристов (личности устанавливаются), двигался в сторону «ЭКОгор». Автомобиль "Форд Куга" (зарегистрированный на имя Горелова Ф. И.), за рулём которого находилась двадцатишестилетняя Горелова Ирина Афанасьевна, двигался в противоположном направлении. Предположительно, водитель Hyundai, находясь в состоянии алкогольного опьянения, потерял управление и на высокой скорости выехал на полосу встречного движения. В результате столкновения водитель "Форда" погибла на месте. Полученные повреждения привели к возгоранию Hyundai Solaris, которое в итоге закончилось взрывом газового оборудования. Имелось ли разре-

шение на переоборудование автомобиля, будет разбираться следствие.

На место ДТП прибыли оперативные службы. К сожалению, спасти никого не удалось.

Как стало известно, Ирина находилась на седьмом месяце беременности. Мы приносим искренние соболезнования семьям погибших».

Новость датирована летом этого года.

— Катя-я-я, — пробормотала я, изучая фото с места событий. — И ты, ёб твою мать, ни разу... ни полслова не сказала?!

Теперь я всё поняла. Я поняла, чьи платья в комнате сына. Я поняла, про какую Ирину говорила Катина мать. Я поняла! Я поняла — и мне стало безумно не по себе.

— Мы приносим искренние соболезнования семьям погибших, — повторила я. — Тяжелейший удар для семьи.

— Ой! — послышался возглас сзади, от которого я подпрыгнула. — Это что, я вас закрыл, что ли? — спросил паренёк со стойки администрации.

— Всё в порядке! — отмахнулась я, вымучивая улыбку. — Мне хватило времени найти... информацию! Спасибо вам большое! Фёдор Иванович будет вам очень признателен, — сказала я и потянулась за телогрейкой.

— Вы голодная, наверно?

— Больше хочется в туалет...

— А это дверь соседняя, сходите, а я пока Насте скажу,

чтоб кофе...

— Не-не-не, - запротестовала я, - у меня денег... нет, — честно призналась я, напяливая сапог.

— Да пф-ф-ф, - отмахнулся он, - что-нибудь сообразим! К тому же... даже в тюрьмах людей кормят! А вы — мой первый арестант. Так что, после галюна, милости просим в кафе Настя будет ждать!

Официантка, с которой он вчера так игриво флиртовал, усадила меня за столик в уютном углу. Она хлопотала по кафе, готовя его к новому дню: разогрела кофейную машину, выложила на витрину свежие пирожные, а затем подала мне восхитительный американо и только что испечённую булочку, припорошённую сахарной пудрой. Аромат и вкус — выше всяких похвал! Администратор, парень расторопный, закончив утренние дела, присел рядом с белой кружкой в руках — на ней красовался логотип турбазы. Запах чёрного чая с долькой лимона, солнечный свет за панорамным окном — и осеннее утро наполнилось особенной, почти домашней теплотой.

— А вы как на ферме-то оказались? Меня, кстати, Коля зовут, а это моя невеста Настя, — услышав обозначенный статус, Настя засмушалась.

— Очень приятно, Алёна.

— Давай на «ты»?

Я одобрительно кивнула.

— Что значит — как я оказалась на ферме? Работаю там.

— Не похожа ты на фермершу совсем. Не вписываешься, так сказать, — сказал он с ухмылкой. — Я читал недавно прикол: многие богачи специально бомжуют или там живут какое-то время в хреновых условиях, чтобы вновь вкус жизни почувствовать. Богатство-то притупляет радость... ну, как-то так.

— Ах, если бы я была одной из этих богачей, — хохотнула я. — Но когда кончатся мои «испытания себя»... не ясно совсем.

И тут меня словно громом поразило. Пока я оставалась одна, следовало обыскать стойку администрации и полистать журнал постояльцев, а не читать чёртову ерунду про какую-то ферму! Если я не местная, значит, где-то остановилась? Это же так очевидно! — мысленно корила я себя. Но разум тут же находил другие доводы. Я могла броситься бежать куда глаза глядят, даже не думая о ночлеге. А вдруг просто не успела бы заселиться? Да и посмотрела бы я эти списки... и что? Что бы это мне дало? Прочла бы, возможно, своё имя и перевернула страницу. А может быть, они как-то помечают тех, кто не приехал на выселение? Или тех, кто так и не заселился в бронированный дом...

— Коль, давно здесь работаешь? — выпалила я.

— Ну-у-у. Прилично! До армии работал и из армии вернулся — и сюда сразу. Хорошее место! Это даже... работой сложно назвать. А что?

— Ничего себе! — улынулась я, искренне завидуя. —

Может, и сотрудники вам требуются на эту работу мечты?

Скривив губы, Коля отрицательно покачал головой.

— К сожалению, нет! Сюда так просто не устроиться. Игорь Александрович берёт только своих! Проверенных, надёжных, ну... сама понимаешь!

— М-да, — протянула я. — Понимаю! Жалко. У вас-то тут красота, уют, веселье. Работа круглый год есть!

— Ну да! — поддакивал Коля.

— Туристы так и едут! — я притихла и, снизив голос до шёпота, продолжила: — Даже последние события их не пугают! Слышала, недавно какую-то очередную девочку нашли на горе!

— Угу, — угукнул паренёк.

— Гостья ваша?

— Да-а-а, — протянул он, смачно отхлебнув, — с семьёй приехала! Честно, даже вспоминать не хочу. Плач её матери до сих пор в ушах стоит. Это даже не плач, а вой. Тяжёлый тогда выдался денёк. Гости притихли, по домикам разбежались, только в окнах их лица и видели. День... второй... — он сделал ещё глоток, рассеянно глядя через панорамное окно на домики у озера. — Знаешь, Алён, чужое горе оно как-то сперва трогает, а потом начинает раздражать. Напрягать. Мне... хотелось, чтобы эта семья свалила поскорее. Вместе с этим грузом... негативчика. Да и другие гости отдыхать приехали, а не на поминки. Знали бы они, что этот случай не первый, вообще бы поразбежались...

— Жестоко ты, конечно, — сказала я, вскинув одну бровь.

— Но в чём-то я с тобой соглашусь.

— То-то и оно. Жестоко, но бизнес есть бизнес, — ответил Коля. — Люди гибнут каждый день, и это не значит, что все вокруг должны ежедневно жить в печали и думать о плохом. Тем более здесь. Здесь — место отдыха. Гости платят большие деньги, и мы должны им хорошее настроение. Это наша работа. Мы — лицо региона. Эмоциям со знаком минус мы не рады.

— Ты так говоришь, будто у вас частенько кто-то гибнет.

— Ну, блин! Всяко бывало. Где отдых, там синька. Где синька, там безрассудство и выпендрёж. Тянет людей на подвиги! Тонули, бывало, с лошади падали, шашлыком давились, в бане перегревались... просто умирали. И... девчушки эти... теперь. Ну, мы не афишируем особо форс-мажоры, сама понимаешь. Освобождаем домики от вещей. Ну, типа «пораньше съехали» — и дальше сдаём. Ты думаешь, только у нас?! Ха-ха! На конюшне гибнут, на горе! Да везде, где отдых, что-то происходит. Но кто об этом кричать-то будет?

— И чего вы с их вещами делаете? — спросила я.

— Вещами? — переспросил Коля, но потом понял, о чём речь. — Ничего не делаем! Родственникам отдаём. Ну, в коробку и в подсобку скидываем, а потом родственникам передаём. Ну вот, сейчас родители очистили место, даже убирать не пришлось.

— А если человек без вести пропал, тогда как? — спро-

сила я, и сердце бешено застучало в ожидании ответа.

— Чё-то я такого не помню, чтобы прям без вести, — нахмутив брови, ответил Коля. — Либо приходили потом с перегаром страшным, либо тела находили. Как можно без вести пропасть и чтоб никто не искал? — он задумчиво посмотрел на меня.

— Да вот и самой любопытно, вдруг у вас такое было. Интересная, наверно, история бы была.

— Ой, да у нас этих историй! Пф-ф-ф! Люди на отдыхе как дети себя ведут. Вон в июле мужики на спор хотели по дну озера пройти под перевёрнутой лодкой. Типа они её над головой держать будут и пойдут под водой. Там, по их мнению, должен был воздушный пузырь образоваться, которым они дышать будут.

— И? Образовался пузырь?

— Лодка эта старше меня в два раза, она дырявая вся! Какой пузырь? Они только в воду зашли, так со всех щелей воздух попёр! И по итогу: лодка на дне, директор орёт, а мужикам смех! Вся турбаза смеялась! Ребята состоятельные оказались, моторную лодку взамен корыта подарили. Так что... Историй здесь хватает!

— Эх, жаль, что к вам на работу нельзя! — печально протянула я. — А если не на турбазе... может, есть ещё какие-то развлечения для туристов, где нужны руки?

— Ну, может, на конюшне что-то надо, я не знаю. Но там вроде тоже семья работает, и чужаков нет.

— На, — сказал он, вынимая из кармана рекламный буклет. На фоне местного пейзажа размещались фотографии счастливых посетителей «туристического маршрута» из местных зон отдыха. — Тут телефоны есть, набери... спроси. Но я бы особо не надеялся. Все местные караулят вакансии, и хрен ты их оттуда вытуришь.

— Ладно, позвоню. Мало ли. Спасибо за помощь! Коль, а ломбарды у вас есть?

— Да не-е-е. Чего им тут делать? На рынке можно поспрашивать, там... скупщики есть. Ну, это такие... полубандиты. Дают копейки, вопросов лишних не задают, но торговаться не получится.

— Ну блин... а что делать...

— А что у тебя?

— Да вот, — я достала из-под свитера цепочку, на которой красовалось моё кольцо. — Колечко. Оно, конечно, скромное, но хоть сколько-то стоит... Наверное.

Коля живо отреагировал на появление украшения. Он придвинулся ко мне и с интересом стал изучать изделие.

— Ты чего? — спросила я.

— Ты... послана мне свыше! Какой размер?

— Не знаю, но оно мне чуть великовато, — я, не снимая кольцо с цепочки, с лёгкостью надела его на безымянный палец. — Ну вот...

— О-о-о, чёрт! — с радостной ухмылкой протянул он, переводя взгляд с кольца на меня и обратно. — Думаю, ей бу-

дет в самый раз! Я готов купить! Десять тысяч, пойдёт?

Я не знала, много это или мало, но даже десять тысяч сейчас куда ценнее, чем побрякушка.

— Давай десять, — ответила я, тут же стянула с пальца кольцо и принялась высвобождать его с цепочки на шее.

— Вот верно говорят: мимо судьбы не пройдёшь! Давно подумывал... — он посмотрел на официантку у кофемашины. — Ну, короче, теперь сомнения позади. Если уж так сложилось, значит, пора!

Спустя две минуты он принёс деньги.

— Спасибо за интернет и за потрясающий завтрак, — попрощалась я с ребятами, стоя у стойки администратора.

Настя молчаливо кивнула.

— Фёдору Ивановичу от нас большой привет! — сказал Коля.

Уезжать с турбазы совсем не хотелось. Я спустилась с крыльца главного корпуса и просто пошла к озеру. Взгляд упал на небольшую уединённую беседку на берегу. Захотелось на минуту остаться в тишине — может, хоть что-то придет в голову.

Виды здесь, конечно, шикарные: прозрачное озеро, вдали горы, а по бокам — тёмно-зелёный еловый лес. Слияние с природой, услада для глаз.

В брошюре, которую дал Коля, не оказалось ничего нового или интересного для меня. Фотографии турбазы, конюшни и горной тропы «ЭкоГор», краткое описание экскурсий и

всё, что обычно интересует туристов, — но не меня. Я уже понимала: работа в этом месте мне действительно не светит.

Конюшней управляет семья Прямосудовых. Анатолий и Светлана занимаются разведением лошадей больше тридцати лет, и они без ложной скромности — настоящие профессионалы. Их подопечные не раз брали призовые места на скачках. Ценители конного спорта приезжают сюда с разных концов планеты — за опытом и ценными советами по воспитанию и содержанию лошадей. Даже люди, далёкие от ипподрома, проявляют интерес: на территории можно покататься на лошадях, пони и мини-лошадях. Для продвинутых есть езда с препятствиями. Правда, сначала придётся подписать бумагу, что конюшня снимает с себя ответственность за возможные травмы. Есть фотозона на фоне природы. А помимо лошадей всех размеров, здесь разводят ещё и альпак. Как оказалось, их шерсть и мех приносят немалые деньги, да и туристам эти существа кажутся очень фотогеничными. Сотрудников на конюшню отбирают только из проверенных лиц, а вся территория находится под неусыпной охраной — людей, собак и камер.

У подножия горы расположилась фирма «ЭкоГор». Их профиль — спортивные развлечения на все сезоны: зимой лыжи и сноуборды, летом — восхождения на гору, канатные маршруты, пробежки по экотропе, походы к водопадам. Здесь можно взять снаряжение напрокат, позаниматься с тренером — да что угодно. На буклете — фотографии

скалолазов и каких-то спортивных марафонов. Сотрудники требуются с высокой... нет, с высочайшей физической подготовкой: мастера спорта или кандидаты, медицинский персонал. Я со своими большими руками и ногами — прохожу мимо.

Листая брошюру, я прекрасно понимаю, кого в той статье назвали «власть имеющими». Они — владельцы туристических точек — правят регионом. Скрывают убийства, покрывают убийц. И никто не смеет рта открыть, потому что именно туризм поддерживает жизнь местных. Все они — звенья одной цепи, и ферма в этой сцепке тоже есть. Выпадет хоть одно звено — туристов станет меньше, а то и вовсе не поедут. А ведь в приезжих заинтересованы даже те, кто не работает на базах. Вон бабушка продавала на рынке грибы и соленья. Катина мать вязала носки с логотипом турбазы. Мужики торговали воблой, самогоном, настойками.

Думая об этом, я снова почувствовала, как внутри зарождается тревога. Кто я? Что случилось? Почему я здесь?

Тем временем турбаза потихоньку просыпалась. На берег вышел крупный мужчина и принялся за нечто отдалённо напоминающее утреннюю зарядку. Несмотря на прохладу, он был в одних шортах, которые непонятно на чём держались под круглым животом. Несколько детей устроились в соседней беседке — ждали маму, которая неторопливо шла из главного здания с полным подносом вкусностей. Тишину нарушали негромкие разговоры и смех молодых людей. Они

расположились на крыльце одного из домиков. Судя по виду и по тому, как они кутались в куртки, отдыхали накануне они знатно.

Глядя на всё это, я ещё раз убедилась: Коля прав — чужому горю здесь не место.

Из раздумий меня выдернуло неожиданное появление рубоблуда. Он уверенно шёл с ящичком инструментов в маленький деревянный домик за главным зданием. Сомнений нет — Борька и тут на хорошем счету. Мастер на все руки... Знали бы они, чем ещё эти руки промышляют на втором этаже коровника. Мерзость. Но у медали две стороны, и вот вторую его сторону не замечают — или стараются не замечать. Прощают мужичку любые пьяные выходки, запои и домогательства. Надеюсь, только пока. До поры до времени.

— Ну и чёрт с тобой! — махнув ладонью, сказала я одинокой беседке.

Что же до меня — так плохо всё. Я невостребованная личность. «Как можно без вести пропасть, чтобы никто не искал?» — очень хороший вопрос, не Коля.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.